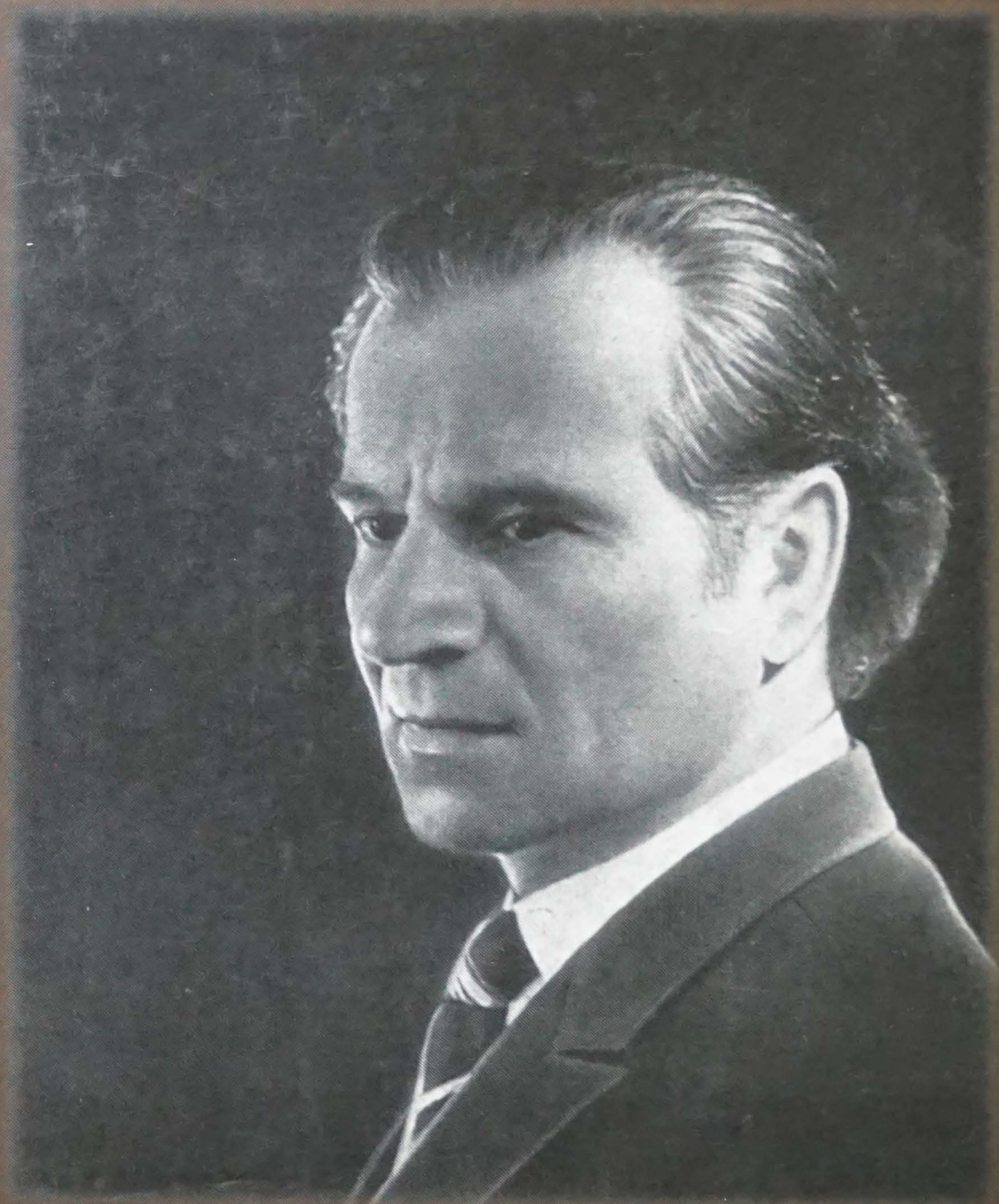

Иосиф Матаев

*Маэстро ТАНХО
и его «Лезгинка»*

Москва 2013 г.

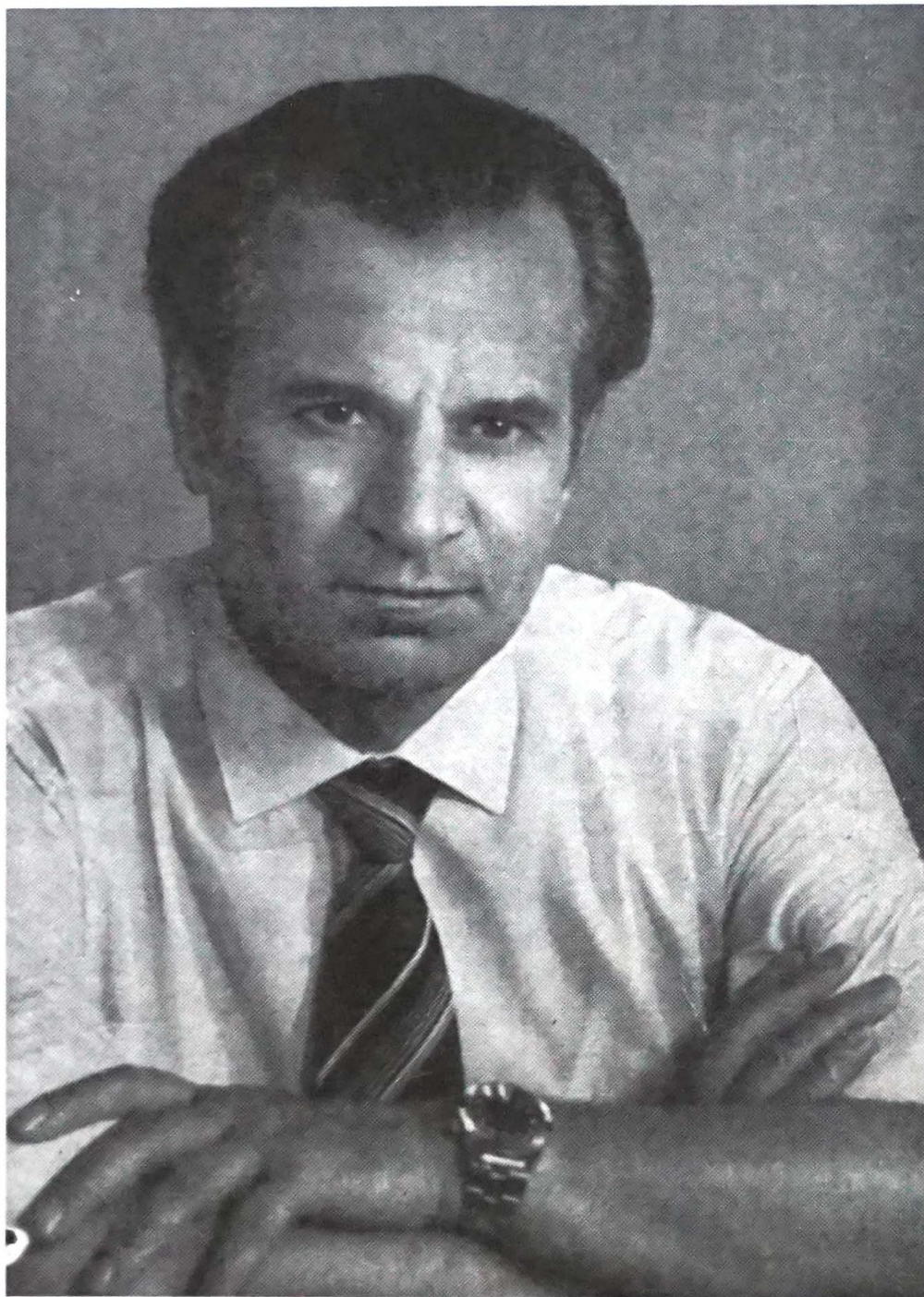

Книга выпущена к 55- летию Государственного академического заслуженного ансамбля танца Дагестана «Лезгинка» и посвящается народному артисту СССР, ее первому художественному руководителю Танхо Израйлову.

В книге частично использованы материалы из предыдущей работы автора.

Танхо Селимович Израилов

Народный артист СССР

От автора

Эта книга об одном из известных хореографов 50-70-х годов прошлого столетия Танхо Селимовиче Израилове.

Человек этот прошел большой творческий путь от солиста балета ансамбля танца под руководством народного артиста СССР Игоря Моисеева до народного артиста СССР. Это поистине великий маэстро, балетмейстер, мэтр хореографии, художник, режиссер, педагог, мастер неиссякаемой творческой фантазии.

Книга повествует о полном драматизма жизненном пути короля народного танца, его головокружительном творческом взлете и интригах.

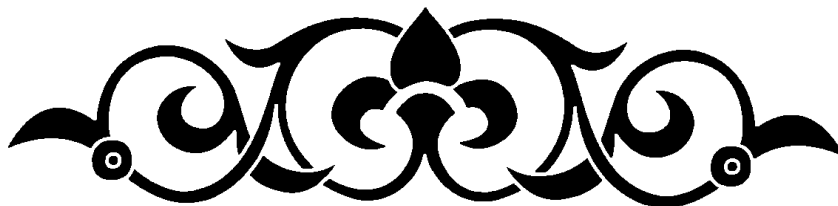
Танхо Израилов прожил короткую, но прекрасную жизнь, даря своим искусством счастливые минуты радости всем поклонникам этого жанра. Хореографию Танхо можно назвать поэмой любви к своей родине, он был художником танца.

Танхо Израилов, «Лезгинка», Дагестан. Эти понятия всегда будут неразрывно связаны друг с другом, являясь составной частью богатой и многогранной культуры многонациональной республики. Есть имена, которые навечно вписаны в историю. А Танхо Израилов вписал свое имя золотыми буквами в историю искусства Дагестана и России. Без преувеличения весь мир восторгался искрометными танцами Танхо Израилова, а его коллективу и сегодня продолжают стоя аплодировать президенты и короли.

Нет, это неправда, когда говорят, что слава великого артиста умирает с его физической смертью. Лучшее подтверждение этому феномен Танхо – непревзойденного

хореографа всех времен и народов, настоящего артиста и просто Человека. Само время оказалось бессильным над людской памятью - его помнят. Более того, Танхо, став легендой еще при жизни, продолжает оставаться таковым, а еще и кумиром отцов и детей во многих поколениях, он продолжает жить.

*Народный артист России
Иосиф Матаев.*

Утро в Баку начиналось рано и первые лучи весеннего солнца согревали сердца бакинцев, которые то и дело спешили на работу, а кое-кто по своим личным делам.

Внимание прохожих привлек молодой человек, лет семнадцати, спортивного телосложения, одетый в обычный серый костюм и белую рубашку. Он был выше среднего роста, худощавый, а карие глаза, прямой нос и черные волосы на чисто выбритом лице подчеркивали классический образ кавказского юноши. В его лице сочетались кавказские и азиатские черты. И это был юный Танхо Израилов.

Поглядывая на часы, молодой человек ускорил шаг с тем, чтобы вовремя появиться в театре. Да, он спешил именно в азербайджанский драматический театр, где функционировала труппа народного танца. Руководил этим танцевальным коллективом старший брат Танхо, Севгиль Израилов.

Усердные занятия в театре позволили ему познать азы хореографии, где изо дня в день Танхо совершенствовал свое исполнительское мастерство. С этим коллективом Танхо объездил города и районы республики.

Богат и разнообразен был репертуар этого театра. В основном это были танцы народов Кавказа. Но сердце юного Танхо навсегда покорили звуки зажигательной дагестанской лезгинки. Любовь к танцу, особенно к лезгинке, определила и его жизненный путь как танцовщика.

Позже, принимая активное участие в различных смотрах и конкурсах художественных коллективов, танцевальная группа была приглашена представлять республику на Олимпиаде в Москве. Для всех участников это приглашение было большим праздником.

Биографическая справка

Сейчас, видимо, уместно рассказать об удивительной, необычайно интересной судьбе Танхо Израилова.

Он родился 22 декабря 1918 года, в семье горских евреев, в высокогорном Дагестанском ауле Цовкра, по сей день славящимся своими канатоходцами. Когда Танхо был еще ребенком, его семья переехала в Баку, но детские впечатления, яркие картинки танцев на свадьбах, рожденьях, на праздниках на годекане, по-видимому, отложились в его памяти на всю жизнь. Мать Танхо, Хаетчим, любила играть на гармонии народные танцевальные мелодии, и мальчик пытался под них танцевать. Отец Танхо, Селим, не возражал, но и не одобрял особенно этого увлечения сына, считая, что ничего путного из этого не получится. Но жизнь доказала обратное, навсегда связав Танхо с танцем.

Шло время, и танцы перестали быть для юноши просто хобби. Вскоре восемнадцатилетний Танхо Израилов в качестве танцора попадает на Всесоюзную Олимпиаду самодеятельного художественного творчества в Москве, где представляет там свой танцевальный коллектив. Самобытного горца юношу – танцора заметил бывший тогда председателем жюри Игорь Александрович Моисеев. Он убеждает родителей Танхо отпустить сына к нему на работу в только что созданный им ансамбль танца народов СССР.

Трудно переоценить ту отеческую заботу, которой окружил тогда юного Танхо великий мэтр. В семье Моисеева Танхо прожил на правах «приемного сына» в течение нескольких лет и перед его глазами всегда был яркий и достойный пример для подражания маэстро как в жизни, так

и в работе. Танхо был прекрасным учеником, жадно впитывая как губка, каждое его слово и в особенности, методику работы. Поэтому не удивительно, что вскоре Танхо становится одним из ведущих солистов в коллективе. Постепенно его роль в ансамбле Моисеева стала возрастать, и Танхо все чаще и чаще ассистирует ему в постановке танцев.

Большая практика, тяга к знаниям и уроки, которые перенимал Танхо у Игоря Моисеева, позволили ему осуществить ряд хореографических постановок в ансамбле. Это - «Гайтаги», дагестанская лезгинка «Три друга», осетинский танец «Симд». А дагестанская лезгинка «Три друга», стала лауреатом и получила золотую медаль на Всемирном фестивале в Праге, где исполнителями были братья Израилковы - Танхо, Махай и Илья.

Мать Игоря Моисеева относилась к Танхо действительно как к сыну, она настояла на том, чтобы он окончил вечернюю школу, и не без ее помощи тот был принят сразу на второй курс балетмейстерского факультета Государственного института театрального искусства имени А.В.Луначарского. Годы учебы Танхо в ГИТИСе еще больше подстегнули его к самостоятельному творчеству, что в дальнейшем не могло не повлиять на его отношения с Учителем.

Первый разлад между Танхо Израиловым и Игорем Моисеевым произошел, когда он учился на третьем курсе института. Танхо неожиданно опубликовал в прессе хвалебную статью о своем заведующем кафедры хореографии Ростиславе Захарове, с которым у Моисеева были большие нелады. Это вывело Моисеева из себя, и отношения между ними натянулись.

Вскоре Танхо пришел к Моисееву и попросил освободить его от гастролей, так как началась сессия и ему необходимо сдать экзамены.

- Ну что ж, сказал Моисеев, - вам придется выбирать: или ГИТИС, или работа. И Танхо выбрал ГИТИС. Он расстался с Моисеевым после восемнадцати лет совместной работы...

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, что вся эта история со статьей возникла не случайно. Она была поводом, который спровоцировал Танхо Израилов, но далеко не причиной их разлада. Все дело в том, что Танхо вырос. Вырос и понял, что из хорошего подмастерья ему пора становиться мастером. Если бы это понял и Моисеев, может быть, они сумели бы разойтись без конфликта и сохранить добрые отношения друг с другом.

По завершению учебы в ГИТИСе, Танхо был приглашен в ансамбль народного танца Молдавии «Жок» на должность художественного руководителя и главного балетмейстера. Через некоторое время последовало приглашение в Туркменский ансамбль танца. Стоит ли после всего рассказанного удивляться тому, что в постановках Танхо в этом ансамбле постоянно проглядывались его дагестанские корни?!..

Думаю, что не ошибусь, если скажу что уже тогда, в 1957 году, рождение ансамбля «Лезгинки», было предопределено самой жизнью.

В Туркмении, Армении, Грузии, Молдавии и Украине уже были созданы первые профессиональные ансамбли народного танца; необходимость в создании такого коллектива, конечно же, ощущалась и в Дагестане, где у него всенепременно появилась бы многотысячная благодарная

зрительская аудитория. Однако, одного желания «сверху» для создания такого ансамбля мало. Нужен был еще и человек, который мог бы взять на себя тяжелый труд по созданию ансамбля, человек, сочетающий в себе талант хореографа, педагога и недюжинного организатора. Но кто ищет, тот, как известно, всегда находит. В результате усилий тогдашнего руководства Дагестана по поиску такого человека и по воле Его Величества Случая судьба свела дагестанцев с Танхо Израиловым.

Было это в 1957-ом году в Москве, куда, после только что отшумевшего Всемирного фестиваля молодежи и студентов, приехал на гастроли Государственный ансамбль танца Туркмении, которым в то время руководил Танхо. В Москве в это время, проходила очередная партийная конференция, и прибывшая на нее тогдашний министр культуры Дагестана Зумруд Губаханова, решила побывать на концертах коллектива из Туркмении. И чем больше она вслушивалась в музыку и всматривалась в движения танцоров, тем больше убеждалась в том, что в большинстве исполняемых номеров четко прослеживается мотивы дагестанского фольклора.

Решив убедиться в справедливости своего ощущения, Зумруд Губаханова пригласила на концерт туркменского ансамбля первого секретаря Дагестанского обкома партии Абдурахмана Даниялова и председателя Совета министров республики Магомед-Салама Умаханова. Да, сомнений быть не могло: Танхо Израилов был именно тем человеком, который им нужен для создания нового профессионального ансамбля танца Дагестана.

Возвращение в родные пенаты.

Итак, в сентябре 1958 года Танхо принял предложение руководителей Дагестана по созданию ансамбля народного танца, по сути, вернулся в родные края. К тому времени он был уже мастером, профессионалом с огромным практическим опытом, который приобрел за два десятилетия творческой и педагогической деятельности. Да и житейскую, чисто практическую мудрость ему было не занимать. Но самое главное – ему действительно было интересно начинать с нуля создание нового и при этом совершенно уникального ансамбля. И прежде всего ему нужно было начать с формирования труппы. Свое согласие на работу в новом ансамбле дали лучшие танцоры из коллектива ансамбля песни и танца Дагестана – Сааду Гаджиев, Анатолий Вартанян, Абдулджалил Джалилов, Агай Ибадулаев, Магомед Хадулаев, Али-Ага Хамдулаев, Зоя Ганибова, Нариман Магомедов.

Но этих танцоров было явно недостаточно для того, чтобы составить полноценную труппу. И было принято решение объявить конкурс на замещение вакантных должностей артистов балета. В составе комиссии по отбору танцоров Танхо объездил десятки аулов равнинной и горной части Дагестана, добирались до самых отдаленных его уголков, приглашая всех желающих принять участие в конкурсе.

Нередко просмотр устраивался в крошечных клубах аулов, или если в каком-то ауле не было даже такого клуба, то прямо под открытым небом.

В первом туре конкурса на право стать артистом приняло участие 750 претендентов. Требования к ним предъ-

Балетмейстер ансамбля – лауреат
Всесоюзного и Всемирных фестивалей,
заслуженный артист Дагестана
МАХАЙ ИЗРАИЛОВ.

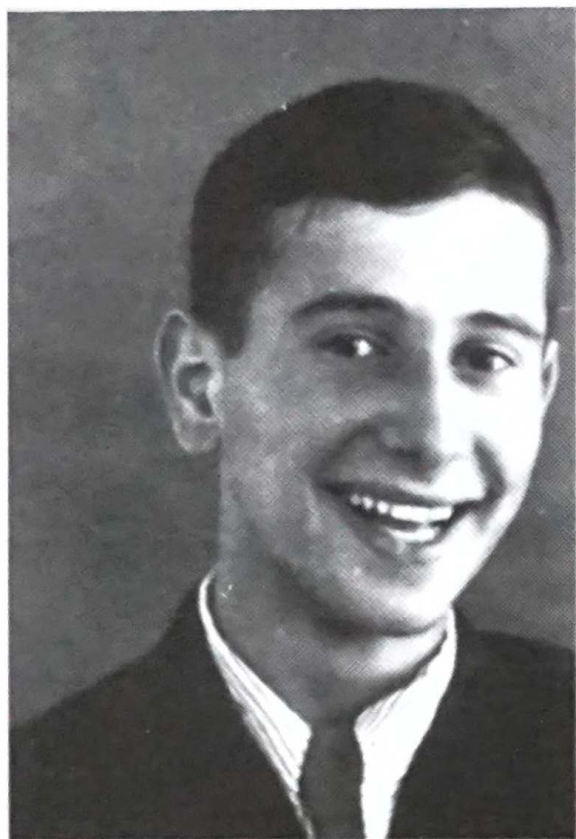

Ассистент балетмейстера
СТЕПАН ПОПОВ

являлись необычайно высокие: будущие танцоры должны были обладать не только артистизмом, музыкальностью и прекрасной физической подготовкой, но и красивой внешностью, внушительным ростом, превосходной осанкой, то есть должны быть сценичны и красиво смотреться на сцене.

В конце концов, удалось отобрать двадцать юношей и девушек, которым предстояло составить костяк ансамбля. Правда, именно та разборчивость вскоре породила и первую проблему. Девушек в ансамбль выбирали лучших из лучших, каждая была воплощенным канонем горской красавицы – высокая, полногрудая, черноволосая, с карими глазами и точеными чертами лица. А они, приехав в Ма-

Ассистент балетмейстера, заслуженный артист Дагестана
ИОСИФ МАТАЕВ.

Солист ансамбля
СААДУ ГАДЖИЕВ.

хачкалу, возьми и начни выходить замуж! Ну и, соответственно, покидать ансамбль.

Многие из тех девушек, которых Танхо привез тогда из аулов, потом поступили в институты, стали кандидатами и докторами наук, но вот с танцем у них романа не получилось. И нам приходилось срочно искать им замену. Что ж, тем дороже были для нас те, кто остался из первого набора.

Вскоре ансамбль приступил к первым репетициям. Многие из тех, кто прошел конкурсный отбор, обладали недюжинным природным талантом, неплохой физической подготовкой, но при этом им не хватало артистических навыков, мастерства. Да что там скрывать – им не хватало

Солистка ансамбля
АЙШАТ ШАМХАЛОВА.

Солистка ансамбля
ДАГМАРА БЕКТЕМИРОВА.

элементарной музыкальной культуры! Именно отсутствие профессиональных знаний и навыков было главным препятствием в овладении мастерством. Ведь те молодые кадры, которые были отобраны Танхо для участия в ансамбле, не имели специальной подготовки, понятия о самой сути хореографии. И пришлось с ними начинать с азов. Это означало, что каждому из них следовало преподавать и классические основы танца, и характерные для дагестанского фольклора движения, и умение ходить по сцене, носить театральный костюм, выступать в ансамбле с другими как единое целое.

Тренаж нужен был и чисто силовой – доходило до того, что с увеличением нагрузки – а без этого ничего не полу-

Солистка ансамбля
МАРИДЖАН КИШТИТIEВА.

Солист ансамбля
АБДУЛБАСИР МАГОМЕДОВ.

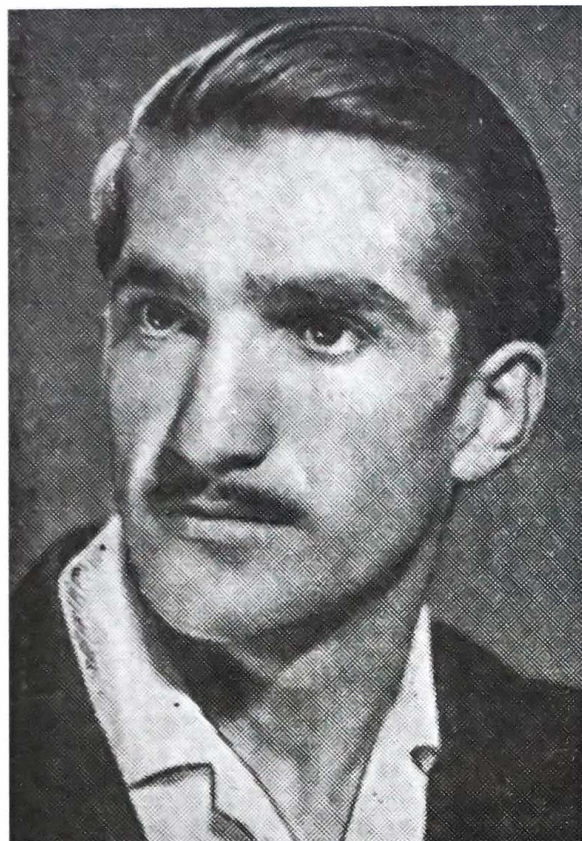
чилося бы – некоторые молодые танцоры от непривычки чувствовали упадок сил, в буквальном смысле слова падали от изнеможения. Что делать? Всякие поблажки в таких случаях неуместны, и интенсивные занятия по разным направлениям продолжались. Учились всем акробатическим приемам, столь необходимым в характерных для горцев мужских танцах. Большое внимание уделялось развитию музыкальности, умению слушать мелодию, ритм и как бы сливаться с ними воедино.

Но мало – помалу начали вырисовываться первые результаты. Эти пока еще робкие успехи в постановке корпуса, умении владеть руками вселяли надежду, что тяжкий труд даст, в конце концов, результаты, необходимые

Солист ансамбля
ЮСУФ ИЗРАИЛОВ.

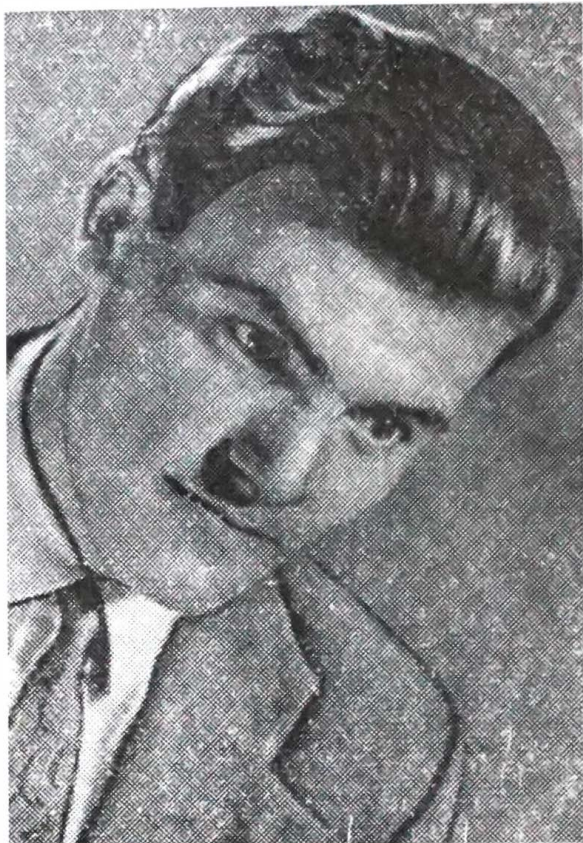

Солист ансамбля
МУГУТДИН МУРТАЕВ.

для настоящего профессионального коллектива. Нелегко приходилось в той ситуации и руководству и педагогам–репетиторам. Случались нервные срывы, и тогда из уст Танхо срывались такие определения, как «бездарь!», «разгильдяй!». Но это не было проявлением грубости, желанием унижить. Упаси Бог! Таким образом, руководство просто гасило психологические перегрузки, неизбежные при подобном плотном графике. Да и юмор, который царил постоянно в работе, часто помогал снимать напряжение. И потому никто в серьез не обижался, не вставал в позу. Все понимали, что это делается во имя будущих достижений.

Мы торопились, потому что сроки сами себе устано-

Солист ансамбля
МАГОМЕД АГАЕВ.

Солист ансамбля
АЛИСАФТОР АРЗУМАНОВ.

вили достаточно жесткие – хотели дать премьерный концерт к 14-летию Победы над нацистской Германией, к 9 мая 1959 года.

Единственное, что нас тогда спасло – это то, что каждый участник ансамбля был в прямом смысле того слова, одержим работой, готов был отдать все свои силы для того чтобы рождение нового коллектива стало настоящим праздником народного искусства «Страны гор».

Работа продолжалась, более того шла она по разным направлениям. Трудились все – и танцоры, и музыканты, и технический цех. Никто не считался со временем. И в итоге, сформировался коллектив единомышленников, удивительно трогательно относящихся друг к другу. Ино-

Солист ансамбля
ЧИЛАЙ ИЛЬЯСОВ.

Солистка ансамбля
НИНА ИЗРАИЛОВА.

гда я с какой-то особой тоской и грустью вспоминаю то замечательное время.

Залов в Махачкале тогда катастрофически не хватало, нас гоняли из спортзала мединститута в клубы, из клубов – в борцовскую школу, которая не отапливалась даже в суровые зимы. Иногда мы оказывались просто на улице, и тогда министру культуры Зумруд Губахановой, приходилось едва ли не лично заниматься поисками мест для наших репетиций.

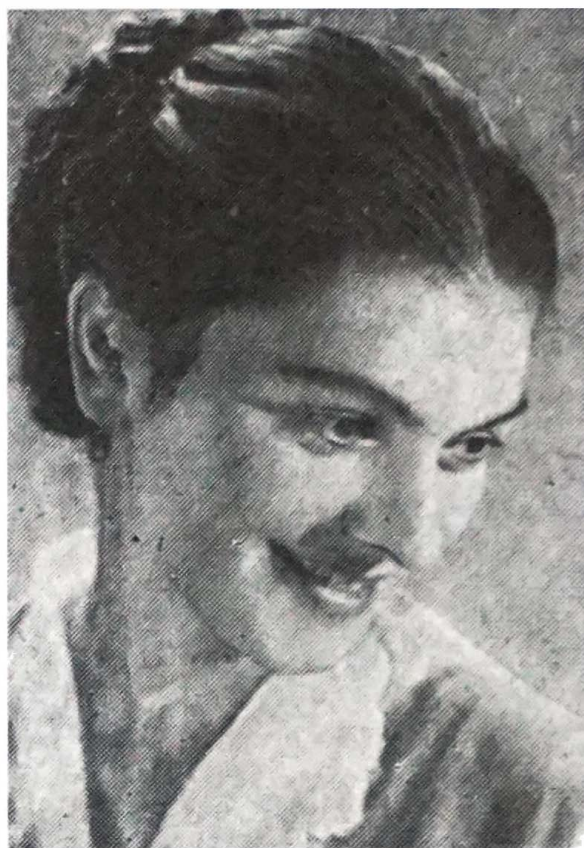
И мы приходили в холодные залы, растапливали принесенные с собой печку «буржуйку», пекли на ней картошку и репетировали, репетировали, репетировали.

Уроки пластики сменялись занятиями по развитию

Солистка ансамбля
ФАТИМА СУЛЕЙМАНОВА.

Солистка ансамбля
РУКИЯТ ЗАЙПУДИНОВА.

слуха, затем уроками артистического мастерства и акробатики. Зачастую такие репетиции длились по 16-18 часов непрерывной тяжелой нагрузки, которая была всем в радость. Наши артисты беззлобно посмеивались над неудачами друг друга, радовались каждой удаче, молча, или почти молча, переносили придирки Танхо, которого боялись и одновременно бесконечно уважали.

Художник Николай Лаков делал эскизы костюмов, которые должны были лечь в основу гардероба артистов.

Потом Танхо еще долго приходилось обрабатывать собранный материал, убирая все лишнее, второстепенное и создавая на его основе чеканный рисунок нового танца – танца, в котором высочайший профессионализм дол-

Солистка ансамбля
ГЮЛЬЖЕНЕТ ИЛЬЯСОВА.

Солистка ансамбля
ЭММА ХИЗАНОВА.

жен был сочетаться с многовековой народной традицией. Огромную помощь в этом нам оказал фольклорист Джамалутдин Муслимов.

Так постепенно вырисовывалась наша первая программа – в нее должны были войти 16 танцев народов Дагестана, большинство из которых имели свою внутреннюю драматургию, призванную держать зрителя в постоянном напряжении. Чем ближе подходило время премьеры, тем напряженнее приходилось нам работать. Теперь все больше и больше времени уделялось шлифовке отдельных танцев.

Когда Николай Лаков закончил разработку костюмов для нашей программы, очень тонко, самую малость, осов-

Солистка ансамбля
ВАЛЕРИЯ АЛИБЕКОВА.

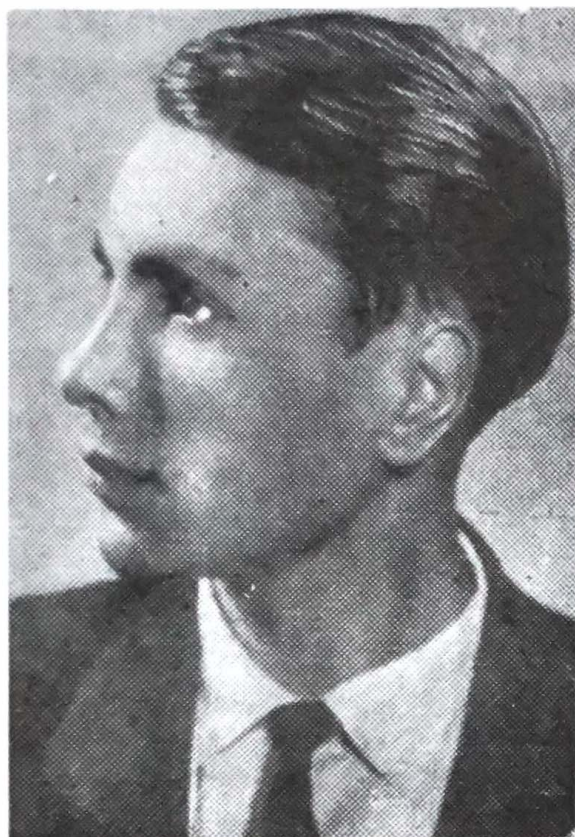

Солист ансамбля
ХИЗРИ АБДУЛКЕРИМОВ.

ременив традиционную одежду горцев, заказ на изготовление костюмов был передан в мастерские Большого театра. Заказ этот был огромный, так как почти к каждому танцу полагались свои костюмы, и Танхо приходилось часто ездить в Москву, чтобы проверять, как идет его выполнение.

В это время на репетициях на правах ассистента балетмейстера его заменял брат Махай Израилов. Приход в Лезгинку этого талантливого мастера танца, долгие годы проработавшего в прославленных танцевальных коллективах страны, значительно усилил репетиционный процесс. Махай Израилов блестяще знал не только мужскую, но и женскую народную танцевальную лексику, и его уроки оказались необычайно важными для начинающих артистов.

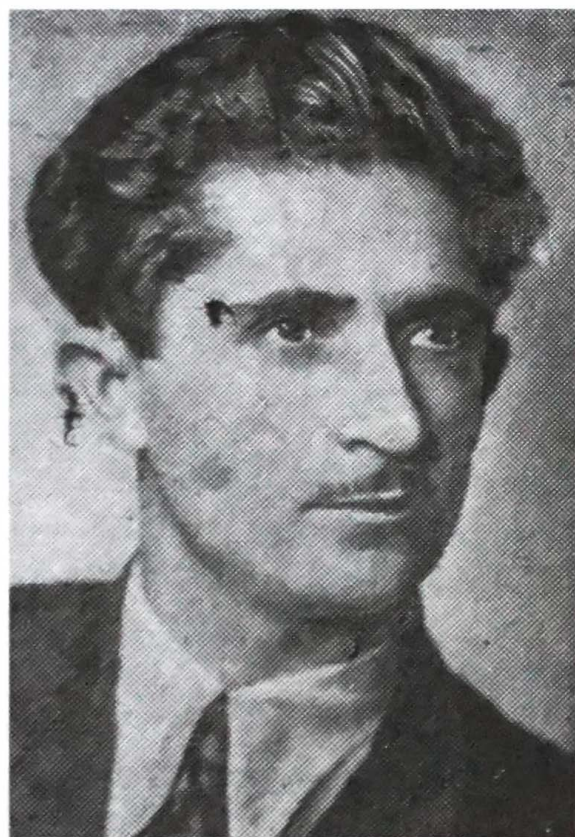

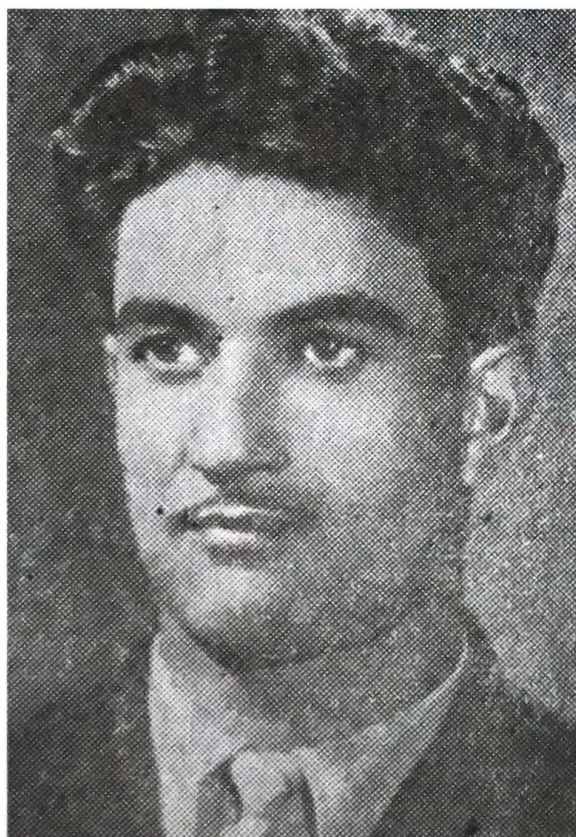
Солист ансамбля
АНАТОЛИЙ ВАРТАНЯН.

Солист ансамбля
ГУРГЕН АРУТЮМОВ.

Солист ансамбля
ИСРАФИЛ ИСРАФИЛОВ.

Солист ансамбля
КАИБ КУРБАНИСМАИЛОВ.

Премьера ансамбля Лезгинка.

И вот, наконец, долгожданный день премьеры. Помню, как в зале Республиканского русского драматического театра погас свет, раздвинулся занавес и начали выходить на сцену танцоры в величественном плавном танце... Программа «Лезгинки» получилась необычайно насыщенной, пусть и не полностью, но все-таки отражающей богатство и многообразие культуры народов Дагестана.

Это и традиционная дагестанская лезгинка, ставшая на все времена своеобразной визитной карточкой ансамбля, и плавный девичий «Каш», и темпераментный «Горский перепляс», изображающий традиционное соревнование мужчин в ловкости и силе, и татский «Харс», который остается популярным в Дагестане и по сей день, где часто исполняется на самых различных семейных торжествах.

Ну, а разве забудешь танец «Цовкра», названный так по имени аула, в котором родился Танхо! Он словно списан с натуры, этот танец, отображающий народные гуляния в горном селении, где показывают свое искусство акробаты и канатоходцы, силачи и клоуны.

Очень хороши были также и шуточная танцевальная сценка «Врасплох», рассказывающая о похождениях незадачливого ухажера, и необычайно яркий по своей композиции и сложный по танцевальной лексике танец «Три друга», в котором джигиты демонстрируют свою удаль. Были на этом концерте представлены и кумыкский танец «Шинжир» (Ожерелье), и акушинский танец, и основанная на лезгинских танцевальных мотивах композиция «На полях Дагестана». А завершилась первая программа танце-

вальной сьютитой «После трудового дня», в которую вошли отдельные фрагменты танцев многих народов Дагестана.

Успех премьеры был просто оглушительный. Публика восторженно встречала каждый новый танец, едва не оглушая артистов аплодисментами, требовала повторения чуть ли не каждого номера. Танцоры валились с ног от усталости, были вымотаны до предела и самой премьерой, и напоминающей какой-то многодневный марафонский забег подготовкой к ней, и одновременно были по-настоящему счастливы, потому что нет, и не может быть для артиста ничего дороже, чем вот такой зрительский прием!

Высокую оценку нашему дебюту дали и профессионалы. Так, один из самых именитых хореографов республики Казим Манафов сказал, что главное достижение «Лезгинки» видится в органическом сочетании подлинной народности и высокого профессионализма, соответствии сценического воплощения танцев самому духу дагестанского фольклора. Манафов не преминул заметить, что видит в этом, прежде всего заслугу художественного руководителя ансамбля и постановщика танцев Танхо Израилова.

К этому мнению присоединился выдающийся мастер и знаток народного танца Акашим Ибрагимов. Он подчеркнул, что та слаженность, полная гармония музыки и танца, которую продемонстрировала «Лезгинка», говорит о высоком мастерстве всех наших танцоров, за которым стоит поистине титанический труд. Много добрых слов было сказано композиторами Наби Дагировым и Сейфулой Керимовым, известным дагестанским художником Джемалом.

А народный поэт Дагестана Атакай Аджаматов в восторге воскликнул:

*Эх, лезгинка, - танец края моего!
Я прекраснее не знаю ничего!
Поглядите – пляшет горец под гармонь,
В ритме танца – сила смелость и огонь!
В добрый час, моя «Лезгинка», в добрый час!..*

Но, пожалуй, самым точным и трогательным был отклик на это событие народного поэта Дагестана Расула Гамзатова:

«У каждого из нас «Лезгинка» вызывает такое чувство, какое вызывает в наших домах рождение долгожданного ребенка, - писал он в те дни – ребенок родился здоровый, красивый и талантливый. Своим первым выступлением он принес нам первые слезы радости. Смотришь на концерт ансамбля «Лезгинка» и невольно повторяешь слова наших горцев: «Да, даже мертвые могут воскреснуть от этих плясок!»).

Что ж, «Лезгинка» действительно была нашим общим ребенком, которого мы все вынашивали ровно девять месяцев. И его рождение действительно было счастливым. Но теперь этому ребенку предстояло расти, и, как показала сама жизнь, ему была предназначена отнюдь не самая легкая судьба.

Ансамбль с честью выдержал экзамен, но главный экзамен был впереди.

Первопроходцы танцевального искусства страны Гор.

Ансамбль «Лезгинка» прославил Дагестан, будучи первопроходцем танцевального искусства страны гор, сумевшим своим блистательным исполнением покорить сердца миллионов поклонников народного творчества.

В программе Ансамбля было немало танцевальных номеров, исполнение которых публика принимала с неописуемым восторгом. Все там было необычным и от всего увиденного веяло новизной. И не случайно это вызывало особый интерес у людей, и они хотели посмотреть на это «чудо» еще и еще раз.

Одной из таких работ была танцевальная сюита «Горцы». Отточенность каждого движения, высочайший профессионализм и неподражаемый артистический всплеск и было главным достоинством каждого исполнителя. Ведь это не так просто танцевать, когда ты облачен в тяжелую горскую бурку и при этом еще уметь достоверно показать картину скачек на лошадях.

В этот период свежо и ярко проявился хореографический талант молодых солистов Гамза Мирзоева и Рустама Израилова.

В этом же «ключе» была представлена и другая не менее востребованная сюита «Танец барабанщиков». Это была совершенно уникальная работа, где известный горский барабан, его ритм и динамика создает неповторимую ауру танцевальной поэмы, как бы соединяя в одно целое музыкальные ритмы и ритмы грации. Весь секрет в том, что народный танец не любит ничего искусственного, а главное,

не терпит фальши. И это хорошо понимал танцевальный коллектив «Лезгинки».

Особенно те главные персонажи труппы, которые представляли «лицо» ансамбля.

Золотыми буквами вписаны в летопись «Лезгинки» имена солисток Рукият Агаевой, Татьяны Гасановой, Валерии Алибековой.

Отточенное выражение лица филигранность характерной черты красавицы горянки Рукият Агаевой как бы сошедшей с картины великого Рафаэля. С именем Татьяны Гасановой связаны лучшие страницы той самой удивительной летописи «Дербентские девушки», «Бенавша», «Девушки красавицы».

Все это только малая часть танцевально-музыкальных номеров, в которых блистала Нина Израилова, где так красочно проявился ее незаурядный талант. В них было столько грации, женственности и сказочной филигранности, что каждый раз по-хорошему зажигало публику.

В ансамбле были другие танцовщики и танцовщицы, которые выдавали такие фейерверки импровизаций, что это было сродни настоящему волшебству.

Безусловно, лучшие страницы истории «Лезгинки» связаны с именами замечательных исполнителей, людей не только отточенного профессионализма, но и огромной души и искренности.

Вот их имена:

Женский состав:

Валерия Алибекова	Дагмара Бектимирова
Людмила Москаленко	Лидия Киричашвили
Екатерина Идрисова	Алла Юшваева
Бадыржамая Саакова	Гюльжанет Ильясова
Галина Ужуева	Наталья Азаренко
Елена Раджабова	Дина Антонова
Галина Курбанова	Ума Минатулаева
Мериджан Киштилиева	Зимфира Абаева
Елена Арзуманова	Зюма Абаева
Татьяна Гасанова	Люся Друшлякова
Зоя Ганибова	Алла Гусейнова
Галина Михневич	Вера Исаева
Нина Израилова	Оксана Тандамаева

Так же и мужской состав:

Степан Попоев	Рустам Израилов
Аслан Гугиев	Тагир Таданов
Бойгар Авсадженашвили	Али-Ага Хамдуллаев
Камиль и Сайдула	Тофик Ганиев
Шихшабековы	Рамазан Усманов
Аскер Алиев	Камиль Сайпуев
Алибек Алиев	Абдул Курбанов
Ровшан Касимов	Мирзабек Тамадаев
Гамза Мирзоев	Владимир Азаев
Эльдар Мирзоев	Владимир Ганибов
Гаджи Гаджиев	Тагир Абужаев
Гасан Гасанов	Махай Израилов
Халид Исаев	Юсуф Израилов

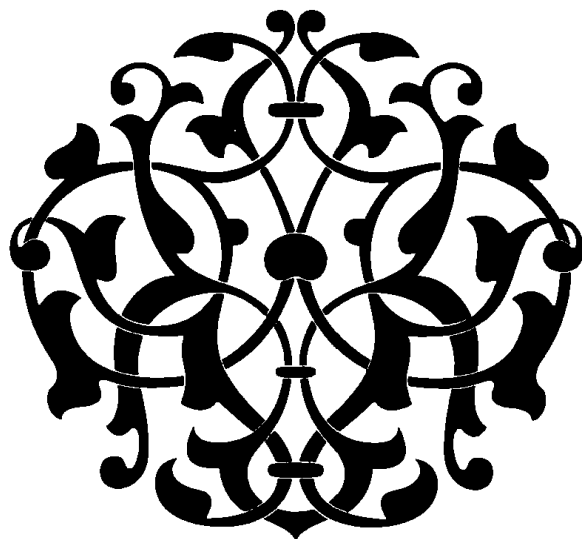
Иосиф Матаев
Григорий Сааков
Виктор Тобоев
Абдулбасир Могомедов
Абдулджалил Джалилов
Анатолий Вартанян
Борис Чирогиев
Чилай Ильясов
Магомед Агаев
Мугутдин Муртаев
Надыр Мирзоев

Закир Мирзоев
Рустам Мирзоев
Гайдар Магомедов
Назир Идрисов
Руслан Такбулатов
Абумуслим Ахмедов
Бутей Газиев
Расул Расулов
Сослан Гаджиев
Рашид Омаров

Музыканты:

Зейнал Гаджиев
Урудж Абубакаров
Исрафил Исрафилов
Камиль Магомедов
Гурген Арутюнов
Захар Рафаилов

Магомед Расул Чупанов
Николай Григорян
Арам Айропетян
Магомед Эмирханов
Алихан Иманалиев
Серкер Алиев

Судьбоносная подпись.

Несмотря на то, что приказ о создании «Лезгинки» безо всяких проволочек подписала «всесильная» Екатерина Фурцева, бывшая в ту пору министром культуры, полной уверенности, что «дитя» родилось, еще не было. Нужна была еще и судьбоносная подпись главного казначея страны – министра финансов Зверева, который не работал по принципу: махнем не глядя. Не увидев своими глазами, этот министр ничего и никогда не подписывал. Волновались все: и руководство Республики, и маэстро Израилов. В жизни все бывает: а вдруг педантичный «казначей» в самую последнюю минуту откажет. Решено было дать несколько «пробных» концертов в Москве, на самый первый из которых и был приглашен в качестве почетного гостя министр Зверев. Показ прошел на самом высоком уровне: гром аплодисментов, море цветов, восторженные отзывы зрителей. Но самое главное увиденным был «потрепанный» человек, которого мы так боялись: обычно скупой на похвалы, Зверев горячо аплодировал стоя. А потом под несмолкаемые аплодисменты поставил в документе о создании «Лезгинки» свою историческую подпись. Так родилась «Лезгинка».

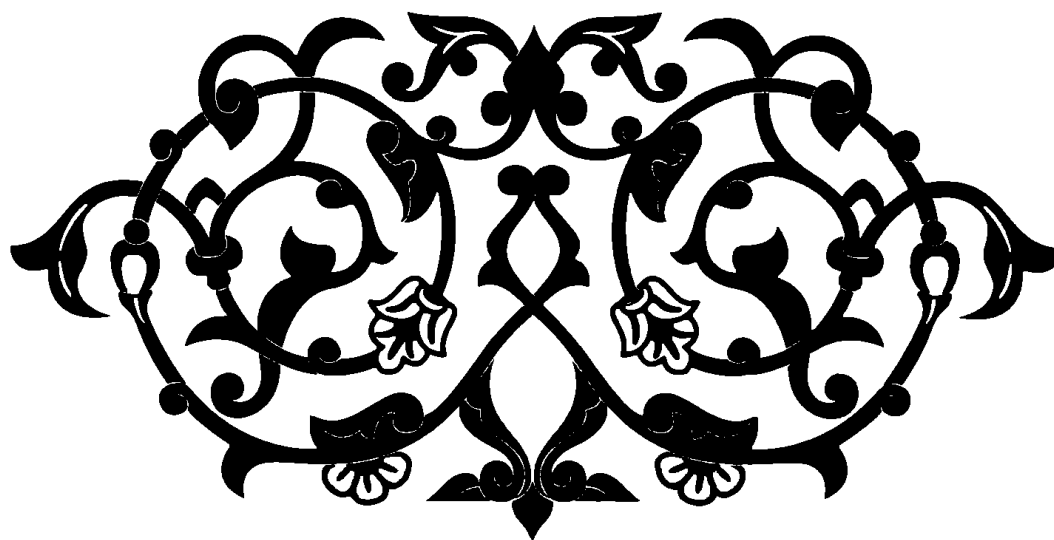
Триумфальными были и все последующие выступления ансамбля. Только за первые годы своего существования, «Лезгинка» успела побывать во многих республиках и городах Советского Союза.

Отточенность и филигранность каждого танца производили на зрителей особое впечатление – впечатление волшебства. Фантазия маэстро Израилова казалось беспредельной: каждая новая работа – чистейший шедевр и поэма в танце.

«В искусстве не должно быть остановок – это мой девиз», - любил частенько повторять Танхо Селимович.

Общительный от природы, Танхо был очень коммуникабельным человеком: легко сходился с простым людо́м и сильными мира сего. У него не было мании величия.

Это помогало во всем, легко открывало двери к людям, облаченным какой-либо властью. Со многими он был по человечески близок. А дружба с тогдашним министром культуры Екатерины Фурцевой занимала в его жизни особое место, он с большим уважением относился к ней.

В добрый час, моя «Лезгинка»!

Праздник прошел, рождение ансамбля стало свершившимся фактом. И начались будни, дальнейшая репетиционная работа, плановые выступления в городах и районах республики. И всюду концерты «Лезгинки» становились ярким событием в культурной жизни того или иного региона. Об ансамбле заговорили, его деятельность широко освещалась в республиканской прессе.

Вот что писала в те дни газета «Дагестанская правда»: «В культурной жизни нашей республики произошло знаменательное событие. Создан замечательный коллектив под руководством художественного руководителя Танхо Израилова «Лезгинка». Триумфальные шествия концертной программы, которые в эти дни проходят в Махачкале, показали, что у ансамбля большое будущее. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что «Лезгинка» получила всенародное признание».

Вскоре, после успешного дебюта «Лезгинка» отправилась в свои первые гастроли по городам и районам Дагестана. Мы старались не отказываться ни от одного предложения, выступали даже в тех аулах, где не было клубов, и нередко бывало так, что сценой нам служил годекан или просто поляна. И для Танхо, и для каждого артиста была чрезвычайно важна реакция простых дагестанцев, то самое мнение народа, которое любой артист ценит куда выше престижных званий и наград. Узнают ли жители самых отдаленных уголков свои танцы, не пошли ли мы в них против народного духа, не сфальшивили ли? – вот те вопросы, которые волновали нас в то время. И когда после каждого танца оторвавшиеся на короткое время от своих

повседневных забот зрители взрывались аплодисментами, когда кто-то из них, не сдержав своих эмоций, вдруг срывался с места и на несколько минут становился нашим полноправным партнером, легко улавливая не только ритмику, но и сам рисунок танца, у нас возникало какое-то удивительное чувство единения с этими людьми, и мы вновь и вновь убеждались, что «Лезгинка» является подлинным народным ансамблем.

Что касается самого Танхо Израилова, то он, похоже, больше всего в эти первые месяцы был обеспокоен тем, чтобы мы не снизили свой профессиональный уровень. Каждый свободный от выступлений день использовался для напряженных репетиций, после каждого концерта Танхо устраивал его детальный разбор, на котором особенно доставалось тем, кто позволил себе хоть немного «расслабиться». Ну, а уж, если во время переодевания между номерами забыл надеть башлык или какую-то другую деталь костюма, можешь не надеяться, что Танхо этого не заметит, - разнос на «летучке» для тебя неминуем и хорошо, если все обойдется обвинениями в «разгильдяйстве».

Что там скрывать – иногда многим артистам казалось, что Танхо излишне придирчив, что он слишком много внимания обращает на «мелочи». Понадобилось время, чтобы мы поняли, что именно из таких «мелочей», из постоянной работы над собой, из отношения к каждому выступлению как к самому главному в твоей жизни, и складывается истинный профессионализм артиста.

И потом, когда я принял ансамбль в качестве его художественного руководителя, то постарался сохранить тот же высокий уровень требований к его участникам, какой предъявлял к нам Танхо Израилов.

Но все это будет спустя годы. А пока ансамбль ждал первый приятный сюрприз: наш профессиональный уровень оценили и «Лезгинка» была включена в гастрольные списки Росконцерта.

И первый серьезный экзамен нам предстоял в столице Азербайджана Баку – удивительном городе, который тогда был своеобразным культурным центром всего Кавказа. На взыскательной бакинской публике «обкатывали» в то время свои спектакли лучшие московские и ленинградские театры, здесь часто проходили различные фестивали и смотры, и поэтому мы, естественно, волновались.

Но больше всех нас волновался сам Танхо – ведь Баку для него был особенным городом. В Баку он в свое время начал артистическую карьеру, в этом городе проходила его защита диплома, у него была масса знакомых среди деятелей азербайджанской культуры, и их оценка профессионального уровня нашего ансамбля была для него крайне важна.

Но, как показало время, волнения были напрасными. Бакинские гастролы прошли чрезвычайно успешно, на наши концерты в бакинской филармонии было невозможно достать билеты, а местные газеты буквально захлебывались от восторга. Не было в республике почти ни одного издания, которое не опубликовало бы пространную рецензию на гастролы, и в каждой из них отмечалось, что мы привезли в город атмосферу праздника.

Газета «Бакинский рабочий» писала в те дни, что артисты «Лезгинки» познакомили зрителя с широкой панорамой танцевального искусства Дагестана и сделали это очень красиво, мастерски...»

В других статьях и рецензиях особо отмечалось, что все составные части спектакля находятся на высоком уровне

– и музыка, и исполнительское мастерство артистов, и костюмы.

Огромный интерес вызвали наши выступления и у профессионалов – руководителей фольклорных ансамблей, хореографов, композиторов, которые немедленно загорелись идеей создать подобный ансамбль и в Азербайджане. Впрочем, тоже самое происходило и во время концертов в других городах Кавказа – Орджоникидзе, Нальчике, Грозном. И потому я возьму на себя смелость сказать, что, если бы не было «Лезгинки», не были бы созданы многие замечательные ансамбли народного танца, ибо само их рождение было во многом обусловлено успехом «Лезгинки».

Прошло менее года со дня рождения ансамбля, а мы уже успели объехать весь Кавказ, и нам явно становилось здесь тесновато. В это время министерство культуры России решило пригласить «Лезгинку» на гастроль в Ленинград. Это был второй после Баку необычайно ответственный экзамен на зрелость. Если в том же Баку, да и в любом другом городе Кавказа, зритель был подготовлен к нашим выступлениям, так как дагестанский фольклор необычайно близок по духу и является неотъемлемой составной частью общекавказского фольклора, то в Ленинграде нас ждал совсем другой зритель.

Не погрешу против истины, если отмечу, что мы с особым волнением ждали этих концертов, еще бы, выступать перед ленинградцами было большой честью для любого творческого коллектива тогдашнего Советского Союза.

Поймут ли ленинградцы всю красоту и очарование горского танца, смогут ли они по достоинству оценить весь его темперамент, не покажутся ли им наши танцы чем-то чуждым и экзотическим?

Время показало, что все эти опасения были напрасными, и именно в Ленинграде мы убедились в том, в чем потом, уже во время наших зарубежных поездок, убеждались неоднократно: язык танца поистине универсален, каждый народ в состоянии понять и оценить красоту и богатство фольклора другого народа, а искусство остается искусством и в заброшенных в горах дагестанских аулах, и на сцене театра на Бродвее...

В Ленинграде мы выступали на самых разных сценических площадках и почти всюду нас сопровождали аншлаги, а после концертов к нам подходили и простые рабочие ленинградских заводов, и известные на весь Союз профессиональные хореографы, чтобы поблагодарить за доставленную им радость знакомства с красочным, многообразным миром танцев Дагестана. Таким образом, Ленинград стал для нас своеобразным трамплином для первых Московских гастролей.

После успеха в городе на Неве, мы почувствовали себя гораздо увереннее, хотя сам факт выступления в столице, конечно же, вызывал совершенно особое ощущение. Но будь то в Кремлевском театре или в концертном зале имени Чайковского, или на сцене «Сада Эрмитажа», или просто в одном из городских дворцов культуры – всюду нам был оказан радушный прием.

Танхо был необычайно доволен успехом, и лишь одно обстоятельство явно портило ему настроение: несмотря на многочисленные персональные приглашения Игорь Моисеев ни на одном концерте «Лезгинки» не появился – видимо, он так и не смог простить Танхо то, что считал «предательством», хотя, как я уже сказал, никакого предательства на самом деле не было – просто птенец подрос и заявил о своем желании расправить крылья.

Спустя несколько лет на Всесоюзном совещании хореографов и руководителей ансамблей народного танца Моисеев с трибуны обрушился на так называемых «плагиаторов»: он обвинил руководителя государственного ансамбля народного танца Грузии И.Сухишвили в том, что он поставил в своем ансамбле знаменитый нанайский танец «Борьба двух малышей», и, одев артистов в черкеску, назвал этот танец грузинским, А также одновременно бросил фразу о том, что поставленный Танхо Израиловым танец «Горцы» почти целиком повторяет его собственный танец «Партизаны». Сухишвили в ответ решил просто отшутиться. Игорь Александрович, – сказал он, выйдя на трибуну и напирая на свой кавказский акцент, - зачѐм сѐрдышься? Ты любишь, когда твоему ансамблю хлопают, я тоже хочу, чтобы и мне немного похлопали...»

Однако Танхо повел разговор в совсем ином тоне – в нем звучала и чисто горская учтивость, и чисто горское умение постоять за свое самолюбие. «Дорогой Игорь Александрович! – произнес он совершенно спокойно. – Вы великий мастер танца, Вы мой учитель и я горжусь тем, что мне выпала большая честь учиться именно у Вас. Но я не могу согласиться с тем, что Вы только что сказали. Несколько раз я приглашал Вас на концерты своего ансамбля, и Вы ни разу не удосужились их посетить. А сегодня Вы выносите «Лезгинке» какие-то оценки! На основании чего Вы сделали такой вывод? Со слов своих ассистентов? Но как можно, ни разу не побывав на выступлении ансамбля давать оценку коллективу?»

Это выступление Танхо вывело из себя Моисеева, и он даже попытался выйти из зала.

«Куда же Вы, Игорь Александрович? – заметила ему тогдашний министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева.

- Вы критиковали, теперь уж будьте добры выслушать критику в свой адрес. Нас, чиновников, кстати, тоже критикуют, и мы ничего – терпим...»

А тогда, после выступлений в Москве и Ленинграде нам предложили большое гастрольное турне по городам России. За очень короткий срок довелось побывать в самых разных уголках огромного Советского Союза. Приходилось выступать и в исторических центрах, и в мемориальных комплексах, были совершенно необычные, навсегда врезавшиеся в память концерты – например, на первом атомном ледоколе «Ленин» или на братской ГЭС, строительством которой жила в те дни вся молодежь страны.

И хотя такие поездки требовали полной самоотдачи, невероятно изматывали физически, они были нам в радость.

Может быть, сегодня это кому-то покажется излишне высокопарным и неискренним, но нас радовало то, что мы, посланцы маленькой многонациональной Страны гор, представляем ее многовековое искусство далеко за пределами Кавказа, по всей России.

Жили мы тогда зачастую в самых обыкновенных вагонах, которые арендовал для нас Росконцерт, чтобы не тратить деньги на гостиницы. В них коротали иногда выпадавшие свободные часы, в них спали изо дня в день – в каждом купе по четыре человека. По утрам возле двух туалетов вагона выстраивалась большая очередь из артистов ансамбля, мы перебрасывались беззлобными шутками, торопили тех, кто «застрял» и чувствовали себя в это

время большой дружной семьей, в которой делятся всеми бедами и радостями. Да мы и в самом деле были семьей – за короткое время существования «Лезгинки» многие из ее участников поженились и супружеские пары составляли почти половину коллектива.

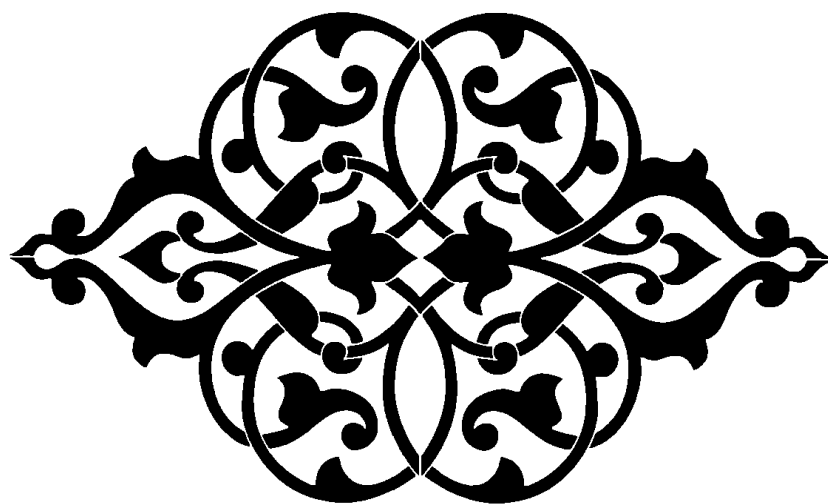
Если предстояли долгие гастроли, то вагон загонялся в какой-нибудь железнодорожный тупик, и тогда приходилось топтать пешком полтора – два километра до станции для того, чтобы там уже сесть на автобус и попасть на концерт, или даже просто для того, чтобы набрать воды в чайник. Но повторяю, все эти бытовые трудности воспринимались нами тогда как нечто совершенно естественное, как неотъемлемая примета артистической жизни. И когда мы стали ансамблем не просто республиканского, а все-союзного значения, наш специальный железнодорожный вагон можно было встретить в Украине и в Узбекистане, в Киргизии и Молдавии, Туркмении и Латвии...

Сказать, что мы имели в этих республиках успех – значит не сказать ничего. Не хочу повторяться, но повсюду наши выступления вызывали восторг у зрителей своей колоритностью, музыкой и высокой техникой исполнения. Так мелькали за окнами вагона города и веси, один пейзаж сменялся другим, и время летело со скоростью птицы, а может быть и сверхзвукового самолета. Казалось, буквально вчера был первый концерт, совсем недавно отмечали годовщину ансамбля, а уже нужно готовиться к Декаде литературы и искусства Дагестана в Москве.

Сегодня многие историки, писатели, деятели культуры, вспоминая о декадах литературы и искусства, любят поговорить о той фальши и политических играх, которые стояли за каждым таким форумом. Декады, утверждают они,

были лишь одной из форм заигрывания верховной власти с национальными республиками и одновременно – требованием от этих республик проявления покорности этой власти, готовности поставить национальную культуру на службу интересов Империи...

Не буду спорить, может быть в этих словах и есть доля истины. И вместе с тем, не погрешу против правды, если скажу, что подобные декады зачастую превращались в подлинные праздники культуры, позволяли каждому народу продемонстрировать мощь и самобытность своего национального искусства, давали возможность для общения и установления тесных контактов между художниками различных национальностей, работающих в одном направлении, открыли для всего бывшего Советского Союза новые имена мастеров слова, живописи, музыки и, конечно же, танца. А все это, поверьте, стоит не так уж мало. Вот почему я не собираюсь сегодня давать оценку прошлому и уж тем более однозначную оценку, а просто стараюсь рассказать о том, как все это было. А право делать выводы по этой теме я оставляю за тобой, дорогой мой читатель.

Декада литературы и искусства Дагестана в Москве.

Напряжение накануне декады было необычайным. Стать участником, пройти через горнило творческих и, что там скрывать, партийных отборов было необычайно сложно, и потом можно понять наши чувства, когда узнали, что и мы вместе с Аварским и Кумыкским драматическими театрами, Ансамблем песни и танцев Дагестана и коллективами художественной самодеятельности будем представлять республику в Москве. Причем именно нам отводилась роль «гвоздя программы», того самого стержня, вокруг которого объединилась вся художественная часть мероприятия декады.

По окончании декады «Лезгинке» было присвоено почетное звание заслуженного ансамбля Дагестана, а многие артисты ансамбля получили звание «заслуженного артиста Дагестанской АССР». Это Сааду Гаджиев, Степан Попоев, Дагмара Бектимирова, Анатолий Вартанян, Нина Израилова и автор этих строк. Махаю Израилу было присвоено звание народного артиста республики, художественный руководитель ансамбля Танхой Израилов был удостоен звания «заслуженный деятель искусств Российской Федерации». Кроме того, ряд танцоров и музыкантов получили тогда Почетные грамоты Президиума Верховного Совета Дагестана.

Теперь о «Лезгинке» говорила вся страна, о ней писали в газетах, фрагменты наших концертов мелькали в кадрах кинохроники, о нас с уважением говорили в профессиональных кругах, и самое главное, мы постоянно чувствовали симпатию и поддержку зрителей.

Конечно же, нам были необычайно приятны эти слова признания того, что мы делаем, и благодарность за популяризацию народного танца, которому мы смогли подарить «вторую жизнь».

Чтобы не быть голословным, я позволю себе привести несколько отзывов прессы 1960-го года на наши выступления.

«... Дебют молодого ансамбля в столице прошел успешно. Самый юный участник декады с честью выдержал серьезный творчески экзамен. И в этом – немалая заслуга художественного руководителя и постановщика танцев Т.Израилова, тонкого знатока и неутомимого собирателя народного творчества Дагестана.

Перед ансамблем народного танца Дагестана «Лезгинка» открыты большие творческие перспективы. И хочется пожелать им: « В добрый путь!»...»

«Советская культура», 14 апреля 1960 г.

«Не случаен успех ансамбля. Артисты не копировали слепо народные танцы. Заслуга коллектива именно в том и состоит, что взяв их за основу, артисты создали оригинальные произведения... В дни декады «Лезгинка» держит экзамен на мастерство, и горячие аплодисменты строгих экзаменаторов – москвичей свидетельствуют о том, что он выдержан с честью»

«Московская правда, 17 апреля 1960 года»

«Много танцев различных народностей Дагестана показал ансамбль «Лезгинка». Среди них выделяются номера, раскрывающие современную тему. Чудесная танцевальная сюита «На полях Дагестана» славит мирный труд простых советских людей. Хотелось бы видеть в репертуаре коллектива побольше таких номеров. Ведь пропаганду народных танцев прошлого необходимо сочетать с решением главной задачи – созданием новых хореографических постановок, отражающих мысли и чувства наших современников. Своим успехом ансамбль во многом обязан талантливому художнику и постановщику танцев Танхо Израилову, с большим вкусом и выдумкой оформившему программу.

Итак, в семье наших профессиональных ансамблей народного танца родился младший сын – дагестанский коллектив «Лезгинка». Будем надеяться, что впереди его ждут большие творческие удачи».

Журнал «Музыкальная жизнь», 1960 год

Широкий резонанс, который получили выступления «Лезгинки» во время Декады литературы и искусства Дагестана, а так же личное впечатление от наших концертов подвигли руководство министерства культуры СССР направить ансамбль представлять советское искусство в Германской Демократической Республике. Так, не возвращаясь в Дагестан, прямо из Москвы ансамбль отправился на гастроли в Берлин.

Сами немцы, похоже, были поначалу совсем не в восторге от выбора советских чиновников, почти не скрывая этого, они смотрели на нас с определенной долей

скептицизма, видя в нас глубоких провинциалов, уровень искусства которых может быть, и приемлем для Кавказа, но никак не для международных гастролей. Но уже после первого концерта отношение к нам резко изменилось, а затем... Затем нас попросили выступить не только в Берлине, но и в Дрездене, Лейпциге, Магдебурге, Котбусе и других немецких городах. И всюду, когда заканчивался концерт зал в восторге вставал, захлебываясь в аплодисментах, и долго не отпускал нас со сцены.

После пребывания в Германии мы отправились в Китай, Венгрию, а затем – в большое турне по странам Ближнего Востока и Северной Африки. В течение нескольких месяцев колесили по Сирии и Ливану, Иордании и Саудовской Аравии, Алжиру и Тунису, Марокко и Ливии.

По возвращению из длительного турне нас ждали концерты в Москве, которые были не менее ответственные, так как на одном из таких концертов присутствовал ни кто иной, как сам Никита Сергеевич Хрущев. Но когда речь заходит о Н.С.Хрущеве, мне чаще вспоминается очень забавный эпизод из нашей артистической жизни. Было это, насколько я помню, летом 1962 года. Наш ансамбль должен был выступать в Кремле на большом приеме, устроенном в честь приезда Кубинского лидера, бывшего тогда почти легендарным, - «бородача» Фиделя Кастро. Мы, уже одетые в национальные дагестанские костюмы, ожидали вызова на выступление, а в соседнем зале, где шел банкет по типу «а ля-фуршет», веселье уже было в самом разгаре, все гости уже успели изрядно «заправиться» горячительными на-

питками. Неожиданно вошла министр культуры страны Е.А.Фурцева и сказала, что наше выступление отменяется, но мы можем пройти в зал и принять участие в банкете.

Спустя несколько минут мы оказались в гигантском залитом светом зале. Буквально через два стола от нас стоял рядом с Фиделем Кастро Никита Хрущев, а рядом с ним – человек, которого знала вся планета – Юрий Гагарин. Заметив нас Хрущев улыбнулся и крикнул:

- Подайте-ка казакам побольше горячего и закуски!

- Какие мы ему казаки? – шепотом запротестовал мой друг Али-ага... Мы дагестанцы! Зачем он нас обижает?

- Слушай, перед тобой новые бутылки «Тройки» поставили, закуски принесли. Ешь и молчи! – шепотом ответил я. – В конце концов неважно, как тебя называют, лишь бы хорошо приняли...

Закуска и выпивка, поставленные перед нами, действительно были великолепны, и на какое-то время Алиага забыл о своем возмущении. Но спустя время он начал снова говорить о том, что он никакой не казак и вообще, если надо, может показать любому в этом зале, кто тут мужчина. Хоть самому Юрию Гагарину!

В это самое время Гагарин направился к выходу из зала, и когда он проходил мимо нас, Али-ага его окликнул.

- Юрий Алексеевич, можно Вас на минутку?

- Да, конечно, - ответил Гагарин, уже привыкший к тому, что все норовят рядом с ним сфотографироваться.

Юрий Гагарин подошел к нашему столу и Али-ага, приосанившись, встал рядом с ним. По всей видимости, Гагарин ждал, когда же последует вспышка фото-

аппарата. Но вспышки все не было, а вместо нее Алиага сказал нам по-кумыкски: - Ну, видите, какой он и какой я? – Я почти на голову выше!

И тут же добавил по-русски: Спасибо большое, Юрий Алексеевич!

Озадаченный Гагарин вышел из зала, так и не поняв, чего же, собственно говоря, от него хотел этот горец из «Лезгинки».

Так незаметно шло время. География гастрольных поездок постоянно расширялась, мы объездили не только весь Советский Союз, но страны «социалистического лагеря».

Слава «Лезгинки» все ширилась в кругах профессиональных антрепренеров, и ансамбль все чаще удостаивался их внимания.

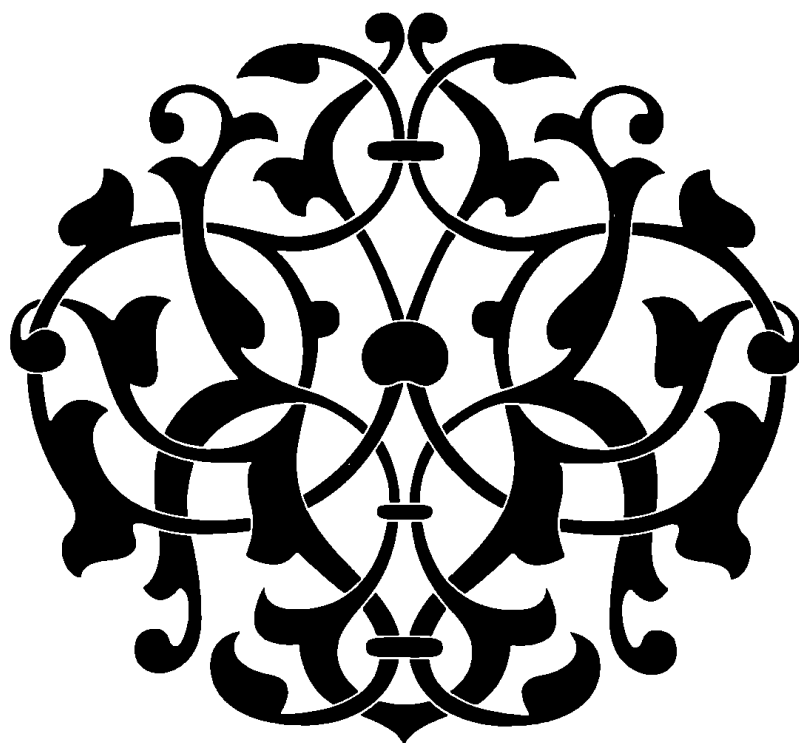
Вместе с тем с чьей-то подачи объявились люди недовольные методикой работы Танхо. И перед самой поездкой во Францию началось брожение в коллективе. Посыпались анонимные письма в вышестоящие инстанции. Все, кто мало-мальски был знаком с Танхо, хорошо осведомлены о двух его слабостях: он – страшный деспот в работе и страшный жизнелюб, до беспамятства почти влюбленный во всех женщин мира. Все это ему сходило с рук. Ему просто прощали эти «мелочи» жизни. Прощали за талант, за Божий дар и, просто за его человечность и дружелюбие. И при всем этом, завистников и недругов у него было, хоть отбавляй. Кажется, на этот раз грозовые тучи над ним сгустились всерьез и надолго, хотя Танхо вида и не подавал.

Обком был не приклонен: хватит сыты по горло штучками Танхо. Маэстро переходит все границы дозволен-

ного и недозволенного. Решение было жестким, а может быть даже жестоким: «Лезгинка» поедет без своего художественного руководителя. А исполнять обязанности художественного руководителя, было возложено на композитора Наби Дагирова. Он никогда не ходил на поклон ни кому. Но на этот раз слишком велика была потеря. Танхо пришел в обком. Стал доказывать, убеждать, просить. Его не слушали и, в общем-то, и не слышали. Когда Танхо стал возмущаться, один из партаппаратчиков поторопился бросить реплику: «Танхо, здесь обком, а не танцевальный зал. Не надо забываться».

Он вышел из кабинета, даже не попрощавшись. А утром следующего дня вместе с братом Махаем ведущим солистом «Лезгинки», вылетел в Москву.

На приеме у министра культуры СССР Фурцевой.

Прямо с аэропорта Танхо приехал в ведомство Екатерины Фурцевой – Министерство культуры СССР. Только очень близкие Танхо люди знали о теплых и сердечных отношениях между ними.

Танхо, как умный человек, соблюдая этикет не ворвался в кабинет члена Политбюро, а просто, тихо, на ухо «доложил» о себе знакомой секретарше. Он сидел и с нетерпением ждал приглашения «железной» леди, которая не заставила его долго ждать. Кавказскому гостю повезло: Фурцева вышла к нему сама.

Прошел почти час. Брат Махай от волнения уже начал ломать пальцы рук. К горлу подступил какой-то неприятный комок – А что, если... отказ, - размышлял он. – Вот это будет номер. А в это самое время, улыбаясь своей роскошной, царственной улыбкой, Фурцева журила своего кавказского гостя:

- Ну, что ты опять натворил там? – Рассказывай, - настаивала кремлевская дама. Танхо развел руками.

- Что я могу натворить? И сам скороговоркой ответил: Единственное, что я могу без проблем - это сработать переворот.

Он специально промолчал, сделал паузу.

- Какой еще переворот? Вдруг забеспокоилась собеседница.

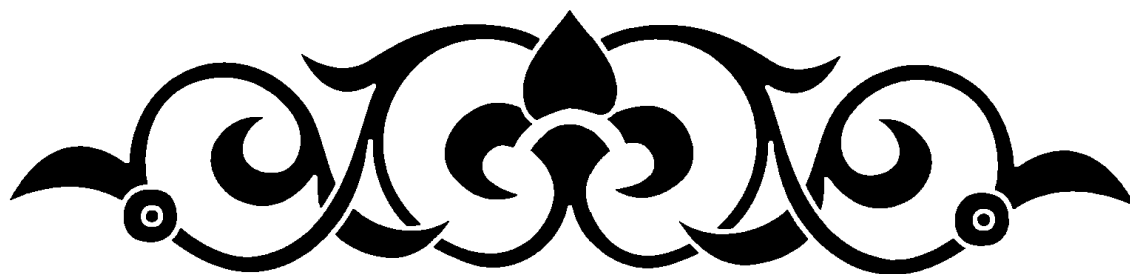
- На сцене, - шутливо сказал Танхо.

Фурцева захохотала. – Я-то думала, что ты и впрямь, что-то задумал, - сказала она. Давно я так не смеялась, призналась кремлевская леди. – Ну, что поедем вместе. Не возражаешь?

Наверное, ни до, ни после этого Танхо не был так счастлив в жизни, как в это мгновение. Забыв обо всем на свете, он почти подпрыгнул к ней в каком-то необыкновенном движении и поцеловал ей ручку.

В следующее мгновение он не вышел из кабинета, а можно сказать, вылетел из него, счастливый и окрыленный, возбужденный и радостный, как никогда.

В жизни ансамбля «Лезгинка» произошло необычайно важное событие. Известный турецкий импресарио Омар Бек пригласил нас на гастроли в Турцию. Около 3-х месяцев длились наши гастроли в Турции, и за это время мы успели соскучиться по дому: как бы ни было хорошо в гостях, дома всегда лучше. В каких бы странах мы не были, уже через две недели, максимум месяц, нас начинало непреодолимо тянуть к родным очагам. Мы оставляли за спиной Турцию полную творческих планов и надежд, а впереди нас ждали уже иные дороги, иные страны.

Англия, или туманный Альбион

Главным событием 1968 года стали для «Лезгинки» гастроли по Англии. То, что произошло во время этих гастролей, в итоге сыграла особую, но, далеко не самую положительную роль в жизни нашего коллектива. Но я пока не об этом. На один из наших, уже почти привычных, московских концертов в ноябре

1967 года пришел известный английский импресарио Виктор Хохаузер. Ухоженный, необычайно элегантный, и с непременной сигарой в зубах, он казался нам сошедшим с какой-то картинки, рисующий образ «типичного капиталиста».

И вместе с тем этот «типичный капиталист» прекрасно разбирался в искусстве и был в то время одним из немногих импресарио, организовавших на Западе гастроли советских театров и различных ансамблей. Его не очень любили в кулуарах власти, так как почему-то именно во время гастролей проходивших под его опекой, кто-то из советских артистов принимал решение не возвращаться в Советский Союз.

- Странное дело, господин Хохаузер, - говорила ему министр культуры Фурцева. – Почему у других импресарио актеры благополучно возвращаются на родину, а у вас, что-нибудь да происходит. И если вы возьмете Большой театр, то он возвращается в Советский Союз малым...

- А что я могу сделать?! Приставить к кровати каждого вашего артиста полицейского с наручниками? Спрашивал в ответ Хохаузер, бесстрастно потягивая свою сигару.

- Тем не менее, как бы к Хохаузеру не относились советские власти, в артистических кругах было хорошо извест-

но, что если уж он приглашает какой-нибудь коллектив на гастроли, то это означает, что коллектив этот работает на международном уровне и будет с успехом принят в любой стране мира. Ошибался в этом смысле Хохаузер крайне редко.

Поэтому легко представить наш восторг, когда Танхо Израилов сообщал, что Хохаузер собирается взять нас на гастроли в Англию и уже подписал об этом с Госконцертом протокол о намерении. Спустя еще какое-то время был подписан договор о гастролях, и мы начали лихорадочно готовиться к этой поездке.

Художественный совет ансамбля сразу же отстранил от участия в гастролях нарушителей дисциплины, закрыв перед ними дорогу в Англию. Остальным было велено заполнять анкеты. И мы приступили к той же процедуре, которую проходили накануне каждой зарубежной поездки: старательно отвечали на вопросы о том, не были ли судимы, кем являемся по своему социальному происхождению, есть ли родственники за границей. Мы постоянно сталкивались с волокитой при оформлении заграничных паспортов. Каждый проходил особую проверку на благонадежность. Сколько судеб артистов было сломлено простым росчерком пера какого-либо чиновника в партийных органах или КГБ, поставившего не ту резолюцию на выездных документах. Пожалуй, не было такого артиста и в нашем ансамбле, кто не прошел бы через это «чистилище». И если мы все-таки побывали во многих странах за минувшие годы, то в этом так же видится особое отношение к нам руководства Дагестана.

Но вот, наконец, все анкеты заполнены, с нами проведены соответствующие беседы о том, что мы должны за

рубежом гордо нести высокое звание советского артиста и не обращать внимания на мнимое изобилие в магазинах «загнивающего» Запада. Особенно нас предостерегали от контактов с «отщепенцами родины», то есть с эмигрантами и теми, кто относительно недавно остался за границей.

- Возможно, с вами захочет встретиться Рудольф Нуриев, предупредил нас один из работников «комитета». — Упаси вас Бог, ребята вступать с ним в контакт.

Вот таким образом выдрессированные мы отправлялись в нашу очередную поездку в Европу.

Приключения, связанные с нашей «дрессировкой», начались уже во время поездки. Наш ансамбль вылетел в Англию двумя самолетами: все руководство, поставленные за нами присматривать «товарищи из органов» и большая часть артистов отправилась напрямую в Лондон, а оставшиеся вылетели вторым рейсом через Копенгаген.

Старшим этой второй группы был назначенный не так давно инспектором ансамбля танцов Чилай Ильясов. Чрезвычайно гордый доставшимся ему ответственным поручением, твердо помнящий, о чем с ним перед отъездом говорили «товарищи из органов», он в одном из попутчиков тут же углядел «шпиона» и шепотом предупредил об этом всех остальных артистов, чтобы никто не смел, вступать с ним в контакт. Так, поминутно поглядывая в сторону этого пассажира, группа добралась до Копенгагена.

Здесь следовало перерегистрировать билеты, и диктор по радио несколько раз приглашал артистов «Лезгинки» на перерегистрацию, но так как никто из них не понимал не только датского, но и английского языка, то все они спокойно продолжали сидеть на своих местах.

Наконец, этот самый «шпион» подошел к нашей груп-

пе и объяснил, что ей следует делать. – Ну, вы нам-то не указывайте-то, - с надменным видом ответил ему Чилай Ильясов. – Занимайтесь, пожалуйста, своими делами, а мы наши-то проблемы как-нибудь сами решим...

Но тем не менее, вняв совету незнакомца, все направились к стойке перерегистрации, а спустя несколько дней после этого Виктор Хохаузер сказал, что хочет познакомиться нас с одним знаменитым земляком.

- Вот, - сказал он, будьте добры, любить и жаловать: дирижер Геннадий Рождественский.

И большинство танцоров, включая, конечно, и Чилая Ильясова вынуждены были со стыдом признаться себе, что приняли за шпиона всемирно известного советского дирижера!

Мы прибыли на гастроли в Англию в те самые дни знаменитых чешских событий, когда под гусеницами советских танков прогибались мостовые Праги. Западный мир задыхался от возмущения действиями Советского Союза, и потому на наши первые концерты в супер престижном королевском «Альберт-холле» собралась едва ли половина зала – англичане откровенно бойкотировали выступление советского ансамбля. Но у истинного искусства, как известно, не существует границ, и оно, это искусство, выше любой политики. Прошло несколько дней, и залы начали наполняться, а спустя неделю уже были аншлаги и все билеты были распроданы на много дней вперед. Пресса захлебывалась от восторга, не было и дня, чтобы в какой-нибудь английской газете не мелькали наши фотографии, а зрители... Зрители буквально неистовствовали.

- Bravo! Бисс! Фантастика! – выкрикивал зал после каждого танца.

- Я не узнаю англичан, я не узнаю английского зрителя! Что вы с ними сделали? – говорил нам Хохаузер, по-прежнему невозмутимо дымя сигарой. Секрет успеха заключался и в том, что поначалу мы все действительно работали с огромным вдохновением, а двухчасовая программа была необычайно продуманной: один зажигательный танец сменял другой, мы едва успевали менять костюмы, и, не давая передышки себе, не давали ее и зрителю.

На наши концерты приходили английские аристократы и рабочие из лондонских предместий, владельцы небольших лавок и всемирно известные режиссеры и хореографы. В антрактах и после концертов они появлялись в гримерной, осыпая нас комплиментами, расспрашивая о технике танца, делясь впечатлениями.

А перед одним из выступлений в «Альберт-холле» к нам подошел один из администраторов этого зала и сообщил, что в сохой ложе сидит Рудольф Нуриев – по всей видимости ему, как профессиональному танцовщику, было интересно посмотреть наш концерт. Стоявший в этот момент с нами «товарищ из органов», прекрасно понимавший английский, а также о ком идет речь, нарочито сказал:

- Ну и что? – на концерте может присутствовать и Нуриев, и Петров, и Сидоров – нам это без разницы!

Мы же вместе с танцором Али-агой Хамдулаевым, уловив свободную от танцев минуту, проскочили в коридор, поднялись к ложам и, приоткрыв дверь, заглянули в ложе номер сто. Знаменитый танцовщик, само имя которого было в то время запрещено даже упоминать в Союзе, сидел в ложе необычайно подтянутый, в черном смокинге и, скрестив руки, неотрывно смотрел на сцену. Таким он мне и запомнился.

В те дни произошло еще одно, весьма знаменательное для нашего ансамбля знакомство – встреча с всемирно известным американским антрепренёром Соломоном Юроком, первым организовавшим гастроль советских артистов и коллективов послевоенной Америки. Побывав на нашем концерте, Соломон Юрок подписал с «Лезгинкой» протокол о намерении организовать наши гастроли в США. Он так же сделал целый ряд необычайно ценных и конструктивных замечаний по поводу репертуара и рекламных материалов, свидетельствующих о его блестящем знании психологии зрителя и специфики шоу-бизнеса. Мне и по сей день помнится его упрек в том, что мы немного пере насытили программу зрелищными номерами, а зрителя лучше оставлять в состоянии «легкого голода»...

Увы, этим благим намерениям Юрока не дано было осуществиться в силу целого ряда причин, о которых я расскажу чуть позже.

А пока... пока продолжались английские гастроли и нас уже стали узнавать прохожие на улицах и продавцы в лавках.

– «Лезгинка!» «Лезгинка!» - кричал нам один из англичан в центре города и тут же с явным удовольствием удивительно точно воспроизводил мелодию танца «Горцы» - Най-най-най – на-на – най-на...

Ну как можно было после этого поверить в расхожее мнение, что англичане сдержанный народ, не любящий публично демонстрировать свои эмоции! И так было почти во всех английских городах, где довелось гастролировать – Оксфорде, Борнмуте, Сандерлене и других.

В целом мы провели в Англии два с половиной месяца, у нас появились друзья и знакомые, из которых я с осо-

бой теплотой вспоминаю участников самодеятельного фольклорного ансамбля с чисто русским названием «Балалайка». Его основу составляли ученые, инженеры, клерки, занимавшиеся днем своей основной профессией, а по вечерам с энтузиазмом исполнявшие танцы самых разных народов мира. Они были активными зрителями всех гастролировавших в Англии фольклорных коллективов, и в результате у них сложилась прекрасная традиция: каждый такой ансамбль оставлял им на память о себе танец своего народа.

Одна не очень приятная история произошла со мной и с Али- Агой в последний день пребывания в Англии. За несколько часов до отъезда мы решили потратить оставшуюся валюту, и вышли за покупками на Ливерпуль-стрит. Нам повезло – удалось купить целый ворох вещей с очень большими скидками. На эти вещи мы потратили все имевшиеся у нас деньги, и потому не оставалось никакого другого выхода, как добираться до гостиницы пешком. Нагруженные покупками, мы сбились с пути и куда идти дальше, мы оба не знаем. И тут выяснилось самое страшное: я забыл, как называется та гостиница, в которой мы остановились. А до выезда оставалось меньше часа!

Сбросив наши покупки на землю, мы сели посреди улицы.

- Что будет! Что будет! – горячился Алиага. – Нас объявят изменниками родины, наши семьи – семьями изменников родины! Ты это понимаешь или нет?!

- Ну, допустим, понимаю, - ответил я.

- Если понимаешь, спроси сейчас у кого-нибудь, где находится наша гостиница! Иначе, зачем нам вообще сдался твой английский?

- Да что я спрошу, что? – раздраженно сказал я. – Мистер, скажите, где находится та гостиница, в которой я живу, вот только, извините, я не помню, как она называется. Ты соображаешь, что ты говоришь? – Тогда звони в наше посольство – пусть приедут и заберут нас отсюда!

- И что они скажут, когда нас увидят! Что мы – «мешочники», которые опозорили высокое звание советского артиста? Нет, в посольство пока лучше не звонить.

Так, переругиваясь, мы продолжали сидеть посреди улицы, а часы отстукивали минуты, и время явно работало против нас.

И тут, на наше счастье, мимо проходила одна женщина, танцевавшая в ансамбле «Балалайка».

- Миссис! Миссис! – закричал я на своем английском. – Послушайте, Вы не помните, в какой гостинице мы остановились?

- Минуточку! – сказала она и подошла к телефону-автомату. Через несколько секунд она выяснила по справочной, как называется наша гостиница.

- «Принц Уэльский», сказала она. – Вам нужна гостиница «Принц Уэльский»!

- Огромное спасибо, - от всей души сказал я. – Может быть, Вы знаете, как до нее дойти?

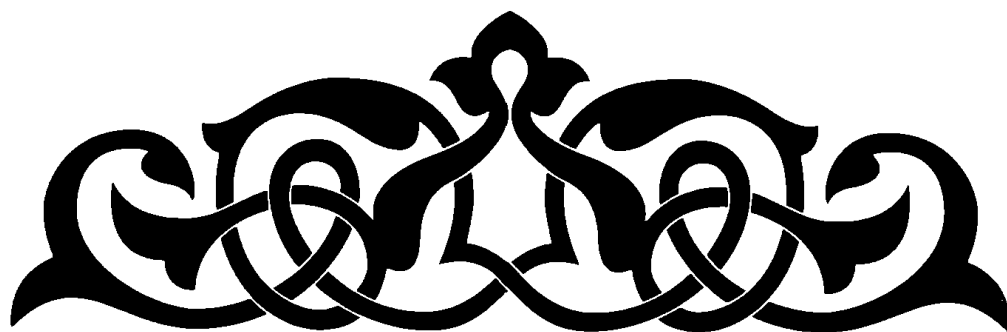
- Да вы же в двухстах метрах от этой гостиницы! Идите в этом направлении и через пять минут вы к ней выйдете...

И действительно – через пару десятков метров мы увидели величественное здание «Принца Уэльского».

- Все, Иосиф! – радостно сказал Али-ага. – Не нужен мне больше не ты, не твой английский. Я уже и без вас нашу гостиницу вижу! И не в силах скрыть переполнявших его чувств, громко, на всю улицу запел:

*...Не нужен мне берег турецкий,
И Англия мне не нужна.*

Так закончились английские гастроли. В последующие годы нам довелось еще не раз побывать в Европе. С огромным успехом мы выступали в Бельгии, Люксембурге и Голландии, в странах Восточной Европы, и все-таки именно в 1968 году в Англии произошли те события, которые, впоследствии, вылились в непрекращающиеся скандалы и разборки, отравившие саму атмосферу в ансамбле и неминуемо отразившиеся на его художественном уровне. Но об этом – в следующей главе.

Скандалы, интриги, разборки...

Все началось с того, что один из ветеранов «Лезгинки» избил молодого танцора. Разъяренный Танхо снял его с одного из концертов и снизил на несколько шиллингов сумму его гонорара за выступления, тут же, впрочем, добавив эти деньги к гонорарам его жены. Но «героя» этой неприятной истории такое, на мой взгляд, вполне справедливое решение не устроило, и он открыто выразил свое недовольство. К нему присоединилось еще несколько артистов, считавших, что Танхо относится к ним несправедливо, дескать, несмотря на большой стаж работы, не повышает им квалификацию (от которой зависела зарплата), не дает им сольных партий и т.д. Словом, воспользовавшись случаем, они решили высказать Танхо все застарелые обиды и претензии, для которых на самом деле не было никаких оснований.

Танхо мог быть груб и придирчив, он был, безусловно, очень нелегким человеком, но при этом артистов всегда оценивал максимально справедливо. И если кому-то он выплачивал зарплату по первой категории, а не по высшей – значит, были для того веские основания.

Впрочем, высокая самооценка, как известно, талантливым людям обычно не свойственна, и потому не трудно догадаться, кто именно стоял за этим скандалом, перешедшим в откровенный бунт. Недовольные Танхо танцоры отказались в тот вечер выходить на сцену. И день, когда все это произошло, прочно врезался в мою память – 1 мая 1968 года.

Танхо попробовал их образумить, взывал к их совести, но все было тщетно. Тогда он начал лихорадочно тасовать

состав, искать подходящие замены «бунтовщикам», но концы не сходились с концами, и дело явно шло к срыву концерта. Хотя, при желании выход для того, чтобы дать концерт в несколько упрощенном варианте, найти было можно, но тут в дело вмешались сопровождающие нас «товарищи из органов».

- Вы отдаете себе отчет, что вас ждет по возвращении на Родину? – грозно сказал один из них. – Если вы осмелитесь сейчас отказаться от работы, подорвете престиж Советского Союза, я обещаю вам большие неприятности, очень большие неприятности! После этого разговора, глядя в землю, они сообщили Танхо, что намерены участвовать в концерте.

Концерт начался в тот вечер с опозданием и проходил необычайно нервозно. Да и как могло быть иначе, если, к примеру, я со своим давним партнером по одному из танцев вдруг оказался в разных «партиях»? Трещина, прошедшая внутри ансамбля, давала о себе знать и на последующих концертах, неминуемо снижая их художественный уровень. Возможно, рядовой зритель этого не чувствовал, но мы-то все это прекрасно сознавали.

Однако самое печальное заключалось в том, что после нашего возвращения из Англии эта трещина продолжала расширяться и все мы разделились на сторонников и противников Танхо Израилова.

Сразу после приезда Танхо созвал общее собрание коллектива ансамбля, на котором попытался разобраться в том, что произошло на первомайском концерте и восстановить нормальный микроклимат в коллективе. Но вместо этого возникшая оппозиция осыпала его упреками в том, что он ведет себя как тиран, не уважает заслуженных (не по

званию, а по выслуге лет) артистов, ни с кем не считается и т.д. Слушать все это лично мне было, с одной стороны, больно и унижительно, а с другой, - просто смешно: Танхо делал то, что должен был делать художественный руководитель, ибо только он и никто другой может определять, кто и какую роль будет играть в той или иной постановке.

Прошло немного времени, и о происходящем в ансамбле стало известно «там, наверху». Теперь собрания происходили почти каждую неделю, а то и каждый день, в них принимали участие работники министерства культуры, областного комитета партии, комитета госбезопасности, которым важно было спасти лучший танцевальный коллектив республики, ставший за время своего существования своеобразной «визитной карточкой» Дагестана. Но все эти собрания, разумеется, никак не способствовали спасению, и взаимоотношения в коллективе продолжали ухудшаться. Теперь это уже отчетливо было видно во время выступлений.

В сущности, противников у Танхо было не так уж и много – человек восемь-десять, но они плели за его спиной интриги, распускали грязные сплетни, нередко срывали репетиции и выступления своей неявкой на работу. Что там скрывать, больничный лист в те времена стоил недорого и взять, а точнее купить его у участкового врача не составляло большого труда, чем эти люди и пользовались. Хуже всего было то, что они втягивали в интриги молодых, только что пришедших к нам артистов, настраивая их против Танхо, и тех, кто его поддерживал. А талантливых молодых танцоров как раз в это время к нам пришло немало.

«Дело о пенсии». Судебный произвол.

На этом фоне, когда часть артистов решила, во что-бы то ни стало, испортить дальнейшую карьеру Танхо Израилова, и возникло «дело» брата Танхо – Махая Израилова.

Махай Израилов, как я уже писал, был не только прекрасным танцором, но и великолепным балетмейстером, и именно этим обстоятельством решили воспользоваться противники Танхо. Они составили письмо в следственные органы, в котором утверждали, что полагающаяся танцорам после двадцати лет работы на сцене пенсия была предоставлена Махаю незаконно, так как действующим танцором он работал только семнадцать лет, а последние три года был исключительно балетмейстером у своего брата. Это была откровенная ложь – Махай выходил на сцену до последнего дня своей работы в ансамбле, но эта ложь сработала, и дело Махая Израилова начало набирать обороты.

О каком художественном творчестве можно было говорить, если всех артистов «Лезгинки» постоянно вызывали в прокуратуру для дачи показаний по этому делу, а вместо подготовки новых танцев и обдумывания программы будущих выступлений шли бесконечные перепалки. И вот, наконец, суд. На него пришли все работники «Лезгинки», проходил он необычайно бурно. Махай сам нередко выступал в роли своего адвоката, спрашивая со скамьи подсудимых того или иного артиста, подписавшего то злополучное письмо:

- Ну, теперь скажи, глядя мне в глаза: я танцевал или нет?

И тут у некоторых из тех, кто поставил свои подписи под этой ложью, неожиданно проснулась совесть.

- Ну, иногда не танцевал. Но, в общем-то, танцевал, - говорили они, отводя глаза в сторону.

- Зачем же вы тогда дали показания против подсудимого Махая Израилова? – спрашивал судья, и уже по самому его голосу мы понимали, что чаша весов в руках у слепой Фемиды медленно, но верно склоняется в пользу Махая Израилова.

Так в итоге и вышло – суд под председательством судьи Лукманова полностью оправдал Махая. Но вскоре выяснилось, что мы рано радовались: злопыхатели не успокоились и добились пересмотра дела в Верховном Суде Дагестанской АССР. На этот раз, не знаю по какой причине, судьи были явно настроены против Махая и едва ли не с самого начала повели дело так, словно его вина была однозначно доказана. И вот прозвучал приговор судьи Дибирова: Махай Израилов приговаривается к пяти годам лишения свободы в колонии строгого режима...

Однако сразу под стражу не взяли, дали еще семь дней на обжалование приговора. И Махай сумел воспользоваться этой отсрочкой – прямо из зала суда он поехал в Москву, связался с журналистами «Известий», и вскоре в этой газете появилась статья Марковича «Дело о пенсии». Просмотрев привезенные Махаем документы, Маркович уверился в его невиновности и однозначно занял его сторону. «Суд допустил тяжелую ошибку, - писал он. Но судьба человека не должна зависеть от правовой неграмотности судей. В противном случае это называется судебным произволом».

Статья Марковича получила широкий резонанс в республике, весь Дагестан заговорил о деле Махая Израило-

ва, многие люди открыто выражали ему свое сочувствие и поддержку. И справедливость восторжествовала – тот же Верховный суд республики, но уже в другом составе, пересмотрел дело Махая и на этот раз уже окончательно оправдал его.

Но почти сразу же после этого возникло новое дело – бухгалтер нашего ансамбля была обвинена в том, что в течение длительного периода фальсифицировала финансовые документы и похитила большую сумму казенных денег. Этот факт был немедленно использован недругами Танхо, будто бы между ним и бухгалтером существовал сговор, и нас всех снова начали вызывать в прокуратуру. В итоге было доказано, что никакого сговора не было и никаких махинаций с выдаваемой нам валютой Танхо вместе с бухгалтером не проводил, но сколько же это отняло нервов и сил!

Скандалы продолжались, на свет то и дело выскакивали какие-то компрометирующие Танхо факты, и весь механизм появления таких фактов стал нам известен в буквальном смысле слова совершенно случайно. Во время гастролей в Горьком один из наших артистов попал в вытрезвитель, и там при обыске у него было обнаружено письмо, в котором прямым текстом говорилось о том, что следует устраивать все новые и новые провокации против Танхо Израилова, пока не будет принято решение о его увольнении с поста художественного руководителя.

Сотрудники горьковского вытрезвителя тут же позвонили в номер Танхо и рассказали ему о своей находке. Танхо передал его тому же журналисту Марковичу, и вскоре в «Известиях» появилась статья «Яго из ансамбля «Лезгинка»», в которой было показано истинное лицо тех, кто стоял в оппозиции Танхо.

Но что это меняло? Дразги и интриги внутри коллектива уже стали едва ли не обычным делом, «оппозиционеры» нередко умышленно снижали свой уровень исполнения, нанося тем самым ущерб всему концерту, но с ними практически ничего нельзя было сделать. Времена были таковы, что в любом коллективе пьяницы и лодыри пользовались неприкосновенностью, так как уволить таких «ценных работников», не нарушая существующего советского трудового законодательства, было крайне сложно.

Тем временем в поисках выхода из создавшейся ситуации в министерстве культуры, видимо, действительно стали подумывать о смене художественного руководителя.

- Послушайте, Иосиф Самуилович, а что бы Вы сказали, если бы мы предложили Вам занять место Танхо Израилова? – прямо в «лоб» спросил меня во время личной беседы один из чиновников министерства.

- Я категорически против этого, - возразил я. – Подыщите другого человека - и вышел из кабинета.

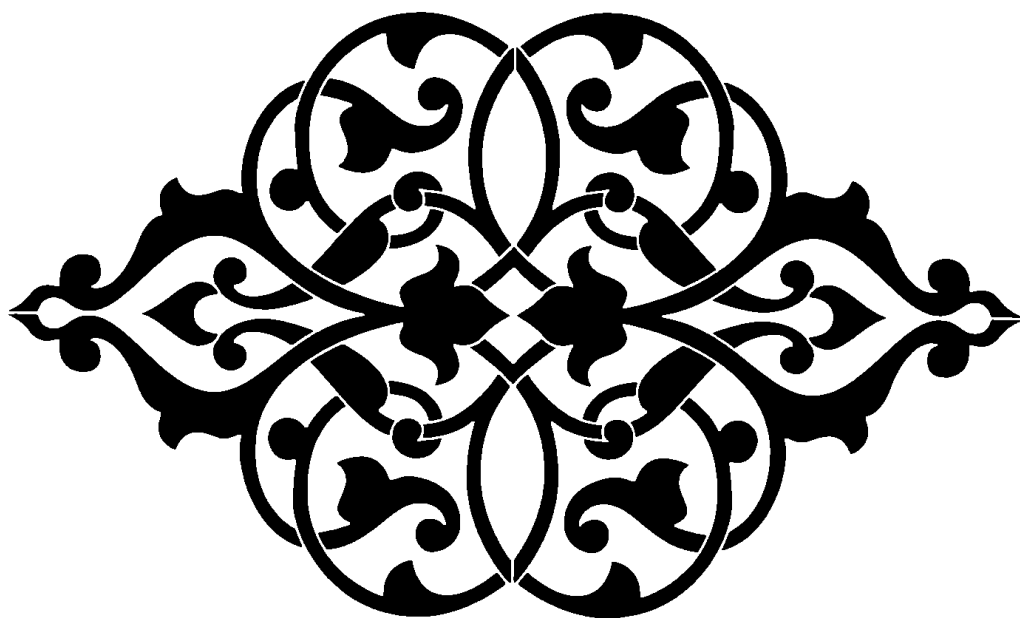
С моей стороны, это было бы не красиво, сказать по-другому – это было бы предательством.

В министерстве, конечно, не ожидали такого поворота: там думали, что Иосиф даст свое согласие. Другой, может быть, и согласился бы. Но элементарная человеческая совесть не позволяла мне поступить так, хотя мне, может быть, как никому другому, хотелось настоящей, большой и самостоятельной творческой работы.

Во многом именно из-за сложившейся в ансамбле обстановки я и решил сразу же после того, как у меня накопится двадцать лет трудового стажа, выйти на пенсию. Хотя, если быть до конца честным, были для этого и другие причины: я уже пробовал свои силы в качестве постанов-

щика танцев, и теперь меня все больше тянуло к самостоятельной работе. Одним словом, со мной произошло почти то же, что и с самим Танхо в последние годы его работы в ансамбле Игоря Моисеева.

Узнав, что я собираюсь выйти на пенсию, Танхо сразу же вызвал меня к себе. В ходе той беседы он предложил мне должность балетмейстера в ансамбле, но я от этого предложения категорически отказался.

Межвременье

В это время Танхо Израилов начал готовить новую программу, посвященную 20-летию со дня рождения «Лезгинки». Программа была названа «Мой Дагестан», и в ее основу были положены стихи Расула Гамзатова. Для Танхо она было необычайно важной, в определенном смысле этапной, подводящей своеобразный итог значительного периода его творчества как хореографа.

Однако, за его спиной продолжали плестись интриги, распускались грязные сплетни, микроклимат в ансамбле по-прежнему оставлял желать лучшего, все это не могло не сказаться на качестве работы.

Премьера новой программы с успехом прошла в сентябре 1978 года на сцене Аварского музыкально-драматического театра. Прозвучали очень теплые слова благодарности и напутствия со стороны тогдашних руководителей республики, говорилось о том большом пути, который прошла «Лезгинка» за эти два десятилетия, о том, что само название ансамбля в сознании миллионов советских людей неразрывно связано с Дагестаном.

Этот успех окрылил Танхо, да и все остальные участники ансамбля ходили в те дни с приподнятым настроением. Праздник отодвинул в сторону все дразги и разборки, и на какое-то время показалось, что обстановка в коллективе наладилась и отныне все будет иначе – так, как это было в первые годы существования «Лезгинки». Но это было только видимостью. На самом деле противники Танхо не успокоились и продолжали плести вокруг него сеть интриг, на собраниях коллектива они открыто выражали

свое недовольство его методами управления, а на репетициях дело могло дойти и до скандала.

Вопреки всему этому Танхо Израилов старался поддерживать тот высокий уровень ансамбля, который и выделял его среди остальных фольклорных коллективов страны, обеспечивая «Лезгинке» и успех у зрителя, и высокое репутации у профессионалов. В эти годы ансамбль гастролировал по социалистическим странам – Венгрии, Чехословакии, Югославии, затем побывал также в Дании, Италии и Голландии.

В 1979 году Танхо было присвоено высокое звание Народного артиста Советского Союза. А спустя несколько месяцев взорвалась та самая бомба, которую подготовили для Танхо его недоброжелатели, - в газете «Комсомольская правда» была опубликована статья некоего Цекова «Концерт ансамбля «Лезгинка» за кулисами в исполнении его художественного руководителя». Не хочу детализировать его содержание. Скажу лишь, что факты, приведенные в статье, были далеки от действительности. Конечно, Танхо был не ангел, ничто человеческое не было ему чуждым. Да, он любил женское общество, они отвечали ему взаимностью. Но то, что писала о нем «Комсомольская правда», не соответствовало истине. По-видимому, кое-кому была нужна эта статья, чтобы таким образом избавиться от человека, который не только целиком посвятил себя делу создания и постоянного совершенствования ансамбля «Лезгинка», но и был сам по себе незаурядной личностью. С этим никто не мог поспорить. Ведь Танхо был неистощим на выдумки как художник танца, был прекрасным организатором и воспитателем.

Он действительно был выдающимся талантом. Могу

это засвидетельствовать и как его ученик, и как соратник, и как продолжатель его дела. Мне, считаю, просто крупно повезло в жизни, что я был рядом с ним, мог у него учиться. Поверьте, было чему. Думаю, что с полным правом это могли сказать и другие. Ведь он был очень щедрым учителем, охотно делился и знаниями, и жизненным опытом, а он был у него колоссальным. Ему можно подражать, но никак не заменить. И этого замечательного мастера так ошельмовали, смешали с грязью.

Статья Цекова была откровенным пасквилем, автора меньше всего волновала истина. Во время подготовки этого материала он беседовал исключительно с теми, кто стоял в оппозиции к Танхо. Затем он представил собранные им «факты» в министерство культуры Дагестана и попросил их прокомментировать. Однако в министерстве культуры сделать это отказались, заявив в ответ, что они не располагают данными, компрометирующими Танхо, но, если у него действительно есть доказательства тому, что он говорит, то пусть пишет, что хочет. Думаю, что руководство министерства надеялось, что эта статья будет снята всемогущей советской цензурой.

Как бы то ни было, статья Цекова была опубликована и вызвала большой шум как в коридорах министерства культуры, так и в профессиональных кругах и, конечно же в народе. О ней говорили на улицах Махачкалы, о ней спорили в квартирах домов, ее обсуждали в различных танцевальных коллективах.

Было ли то, о чем написал Цеков, правдой? Кто-то из великих философов очень точно заметил, что для того, чтобы люди поверили в ложь, в нее нужно обязательно подмешать каплю правды. Именно такой большой ложью

с «каплей правды» и была эта статья. В своем пасквиле Цеков сделал акцент не на действительных недостатках Танхо, а в первую очередь на его «диктаторских замашках», на том, что он, якобы, получал взятки от тех, кого включал в списки участников зарубежных гастролей, на то, что, якобы, он выдвигал на роль солиста исключительно своих любимчиков. А для таких обвинений у Цекова не было и не могло быть никаких доказательств. И то, что Танхо брал взятки, было явной ложью, наговором было и то, что он оказывал предпочтение своим родственникам, так как на первом месте для Танхо все-таки было дело, а не родственные связи. Что же касается «диктаторских замашек», то я уже говорил, что считал и считаю, что ни один художественный коллектив не может добиться подлинного успеха без жесткого, не дающего никаких поблажек, руководства.

Результат: прошло несколько месяцев, и Цеков был уличен в том, что брал взятки за написание определенного рода статей и в итоге оказался за решеткой. Но это уже ничего не могло изменить.

Следствием всех этих передеряг стало решение руководства республики об отправке Танхо на заслуженный отдых, другими словами на пенсию. Оформили ее, разумеется, как пенсию «по возрасту». И формально все было правильно: Танхо шел шестьдесят второй год. Но, по-существу, для настоящего художника и творческого человека, как известно, нет каких-либо возрастных ограничений. Более того, именно после шестидесяти хореограф нередко входит в пору творческой зрелости, когда благодаря накопленному за долгие годы работы опыту, его талант может раскрыться в полную силу. Лучшее тому доказательство – творче-

ская судьба учителя Танхо Израилова, выдающегося хореографа, мастера народного танца Игоря Александровича Моисеева, который и в девяносто и в сто лет ставил новые танцы и продолжал радовать зрителя.

Существует особая порода людей, для которых работа и есть жизнь, вне ее они себя просто не представляют, и Танхо Израилов был из их числа.

По мнению руководства республики, это было единственно верным решением и наиболее оптимальным выходом из сложившейся ситуации. Предполагалось, что страсти улягутся, да и миссия, возложенная в свое время на Танхо, уже давно была выполнена. Коллектив добился признания на мировом уровне, надо было только поддерживать его. Но время показало ошибочность наспех принятого решения, о которых я уже упоминал в своей книге «Лезгинка. Годы, прожитые вместе».

Вскоре, после официального уведомления Танхо об уходе на пенсию, состоялась его встреча с министром культуры Дагестана Абдулатипом Юсуповичем Гаджиевым. Абдулатип всегда питал к Танхо большую симпатию и никогда этого не скрывал. Они до глубокой ночи сидели тогда в его кабинете, где за чашкой чая вспоминали о событиях, связанных с плодотворной творческой деятельностью коллектива, о той горячей поддержке ансамблю, который он ощущал со всех сторон.

И в этой дружеской беседе невозможно было не заметить ту боль и обиду, переполнявшие сердце Танхо на те обстоятельства, которые отрывали его от своего детища – ансамбля «Лезгинка», коллектива, в который было вложено неизмеримо много души, здоровья, любви, сил, как творческих, так и физических.

Публикация скандальной статьи, тяжелые объяснения, которые он должен был давать руководству, вынужденный уход на пенсию – все это тяжело сказалось на его здоровье. Прошло всего несколько месяцев после его выхода на пенсию – никогда прежде не болевшего Танхо разбил тяжелый инсульт.

Как народного артиста СССР его госпитализировали в знаменитую Кремлевскую больницу. Чего только не перепробовали врачи, чтобы поставить его на ноги; вызывали к нему и тогда еще мало кому известную Джуну Давиташвили, но все было тщетно. В 1980 году Танхо Израилов скончался и был похоронен на Востряковском кладбище неподалеку от могилы великого хоккеиста Валерия Харламова.

Ушел из жизни великий маэстро. Это большая потеря для всей музыкальной и театральной общественности. Это большая потеря для всего Дагестана. На его похоронах присутствовали работники министерства культуры СССР, центрального комитета КПСС и министерства культуры Дагестанской АССР. А я, как ни прискорбно в этом признаться, узнал о смерти Танхо из некрологов, которые были опубликованы в дагестанской и всесоюзной прессе.

С уходом Танхо закончилась целая эпоха в истории хореографического искусства Дагестана, эта потеря была поистине невозполнимой. Именно так я воспринимаю его смерть, и по сей день.

Да, он был баловнем судьбы, этот кавказец, красивый и талантливый человек, жизнелюб и выдающийся знаток хореографии. Танхо умер молодым – по горским меркам, в золотом возрасте, когда ему было шестьдесят один...

Но жизнь – такая коварная штука, она может вероломно

ударить в спину, когда ты этого совсем не ждешь, когда тебе кажется, что ты – на вершине и тебя так трудно достать! Но проходит время – и около тебя появляются не только друзья и поклонники. Ждут своего часа завистники и недруги. Но если им удастся одержать победу над подлинно талантливым человеком, то это всегда временная победа. Так случилось и с Танхо.

Он ушел из жизни глубоко обиженным, громко хлопнув дверью. Но память о нем жива и сегодня. Его любимое детище – «Лезгинка» и сегодня продолжает свое победное шествие по городам и странам. Пришло новое поколение танцоров и балетмейстеров, но и они помнят и преклоняются перед памятью своего первого учителя, открывшего им волшебный мир искусства танца.

Завистники торжествовали – им удалось избавиться от Танхо. А выиграло ли дело от этого бездумного шага, предпринятого тогдашним руководством Дагестана? Будущее показало, каким губительным явился для коллектива уход художественного руководителя. В «Лезгинке» со сменой руководства явно начался процесс дестабилизации коллектива, существенно снизился уровень мастерства артистов, да и качество концертов стало другим. Вскоре руководству республики стало очевидной необходимостью укрепить ансамбль, особенно во всем, что касается его художественного руководителя.

Важные составляющие успеха ансамбля «Лезгинка»

Подведя итоги всему, что было описано в этом очерке и, говоря о достижениях этого прославленного коллектива, которому рукоплескал весь мир, хочется отметить всех тех, кому он обязан своим рождением. Это те важные четыре составляющие, без которых ансамбль не мог бы существовать, которые оставили свой глубокий след в истории этого коллектива:

1. Это, конечно же, основатель ансамбля “Лезгинка”, талантливый хореограф, профессионал с большой буквы, народный артист СССР Танхо Селимович Израилов. Я не буду сейчас говорить о роли личности в истории, скажу лишь одно, в искусстве, а в особенности в балете, чтобы добиться успеха помимо большого таланта, надо сочетать в себе идею и организационные способности. И вот Танхо как никто другой был ярким тому примером, где гармонично сочетались все эти качества в одном человеке. Порой он был жестким и даже жестоким, но если бы он был добреньким, то никакого ансамбля может быть, и не было.

2. Следующая немаловажная составная часть, которая внесла свою лепту в создание ансамбля Лезгинка – это руководители республики, чью поддержку и отеческую заботу артисты постоянно на себе ощущали. Это - А.Д.Даниялов, С.И.Умаханов, Р.Б.Эльдарова, Ш.А.Исмаилов, Ш.И.Шихсаидов, Р.Г.Гамзатов, Ш.М.Шамхалов, З.Г.Губаханова и др.

Думается, что они сами понимали, что стоят на пороге больших перемен.

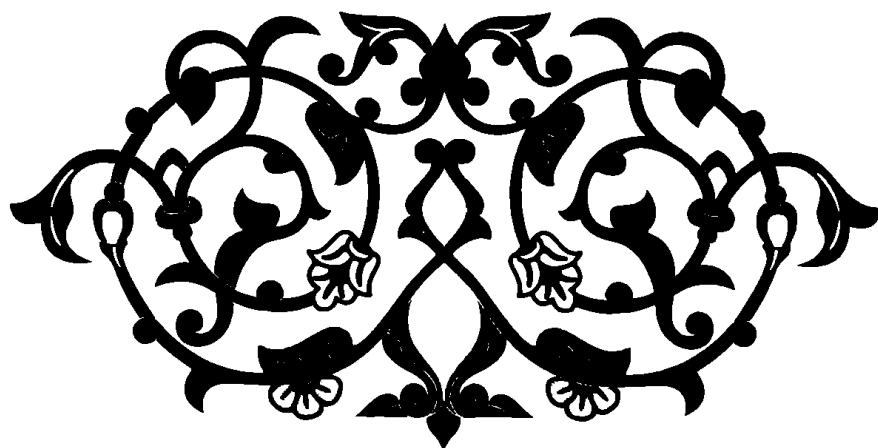
3. Так мы незаметно подошли к третьей составляющей,

их можно смело назвать пионерами – первопроходцами, танцоры и танцовщицы из первого набора в ансамбль, прошедшие тщательный отбор. Это были талантливые, одержимые идеей молодые люди.

Я с удовольствием назову их имена: А.Арзуманов, А.Шамхалова, А.Магомедов, Д.Бектимирова, М.Агаев, М.Киштелиева, Ч.Ильясов, Р.Зайпудинова, В.Алибекова, Т.Хашаева, Б.Чирогиев, Н.Израилова, М.Муртаев, Ф.Сулейманова, М.Магомедов, Л.Касумова, Л.Киричашвили и Г.Ужуева.

В состав оркестра народных инструментов входили такие известные музыканты как: З.Гаджиев, К.Магомедов, И.Исрафилов, У.Абубакаров, К.Курбанисмаилов, З.Рафаилов и Г.Арутюнов, многих из них уже нет в живых, но они навсегда останутся в нашей памяти.

4. И, наконец, мы подошли к самой важной составляющей, без которой сама идея создания профессионального коллектива не имела бы смысла. Это, конечно же, Вы, дорогой наш зритель!

Заключение

Завершая биографический очерк маэстро Танхо Израилова, хочется отметить, что человек этот был не простой, со своим набором достоинств и недостатков, со своими слабостями, присущими каждому из нас. Но он был гениальным человеком, яркой личностью, обладающий сильной харизмой, рядом с которым сам заряжаешься неустойчивой энергией.

Я благодарен судьбе, за то, что свела меня с этим человеком, который оставил в моей жизни глубокий след, от него я почерпнул многое, что впоследствии мне очень помогло в дальнейшей работе в должности художественного руководителя и главного балетмейстера ансамбля «Лезгинка». Я с гордостью могу назвать себя продолжателем его традиций и его школы народного танца.

Будучи впоследствии на протяжении многих лет художественным руководителем ансамбля «Лезгинка» я сумел сохранить его почерк, ту академичность, которая всегда была присуща «Лезгинке», являлась «лицом» ансамбля, ее визитной карточкой.

Говорят, что удел гениев – это оценка их работы только после смерти. И, мне кажется, уже давно пришло время «собирать камни», отдать должное тому, кто это действительно заслужил. А именно, увековечить имя Танхо Израилова в ансамбле, который он создал, в который вложил всю свою жизнь и свою душу. Ведь без Танхо не было бы той «Лезгинки», которой рукоплескал весь мир. Он навсегда остался верным сыном дагестанского народа, его имя большими буквами вписано в историю дагестанской культуры как новатора, основателя профессиональной хореографической школы Дагестана.

Я думаю, что пришло время восстановить справедли-

вость и назвать ансамбль «Лезгинка» именем его основателя. Он это уже давно заслужил.

Ведь если посмотреть на танцевальные коллективы бывших союзных республик, имеющих такой же статус, как и «Лезгинка» то все они названы в честь его основателей. К примеру:

- Государственный Академический ансамбль народного танца имени народного артиста СССР Игоря Моисеева.

- Государственный академический ансамбль народного танца Украины имени народного артиста СССР Павла Вирского.

- Государственный академический ансамбль народного танца Грузии имени народных артистов СССР Илико Сухишвили и Нино Рамишвили.

- Красноярский академический ансамбль танца Сибири имени народного артиста СССР Михаила Годенко.

- Ленинградское академическое хореографическое училище имени Народной артистки РСФСР Агриппины Вагановой.

- Государственный академический хореографический ансамбль «Берёзка» им. Надежды Надеждиной.

«Лезгинке» – 55 лет

В 2013 году ансамблю «Лезгинка» исполняется 55 лет. За этот сравнительно небольшой срок коллективу пришлось пережить свои взлеты и падения, где взлетов, конечно, было больше.

Сменилось несколько поколений артистов, самоотверженных и по-настоящему влюбленных в свое дело. Невозможно передать словами те ощущения, которые испытывали артисты ансамбля, когда в переполненных многотысячных залах подолгу не смолкали затяжные овации, и у многих артистов от переизбытка эмоций на глазах наворачивались слезы. Артистов подолгу не отпускали со сцены, и приходилось выходить на бис по нескольку раз, а очарованный зритель пытался аплодисментами, восторженными выкриками выразить свою благодарность и признательность их творчеству. Ведь народное признание невозможно купить за деньги. А зритель – это и есть та лакмусовая бумажка, которая объективно показывает, кто чего стоит и в искренности которой можно не сомневаться.

55 лет – это небольшой срок для такого творческого коллектива как «Лезгинка», а тем более по кавказским меркам, это еще далеко, не преклонный возраст. Впереди еще, я уверен, много открытий, много новых имен, много ярких постановок, которые поднимут имя «Лезгинки» еще на более высокий профессиональный уровень. Но, хочется надеяться, что дагестанский народ никогда не забудет того, кто создал ее, кому мы обязаны славой «Лезгинки».

Через эту книгу я обращаюсь к Вам, дорогой читатель, также к руководству Дагестана, посодействовать и принять скорейшее решение присвоить ансамблю «Лезгинка» имя его основателя и первого художественного руководителя Танхо Израилова.

Живи и здравствуй родная Лезгинка!!!

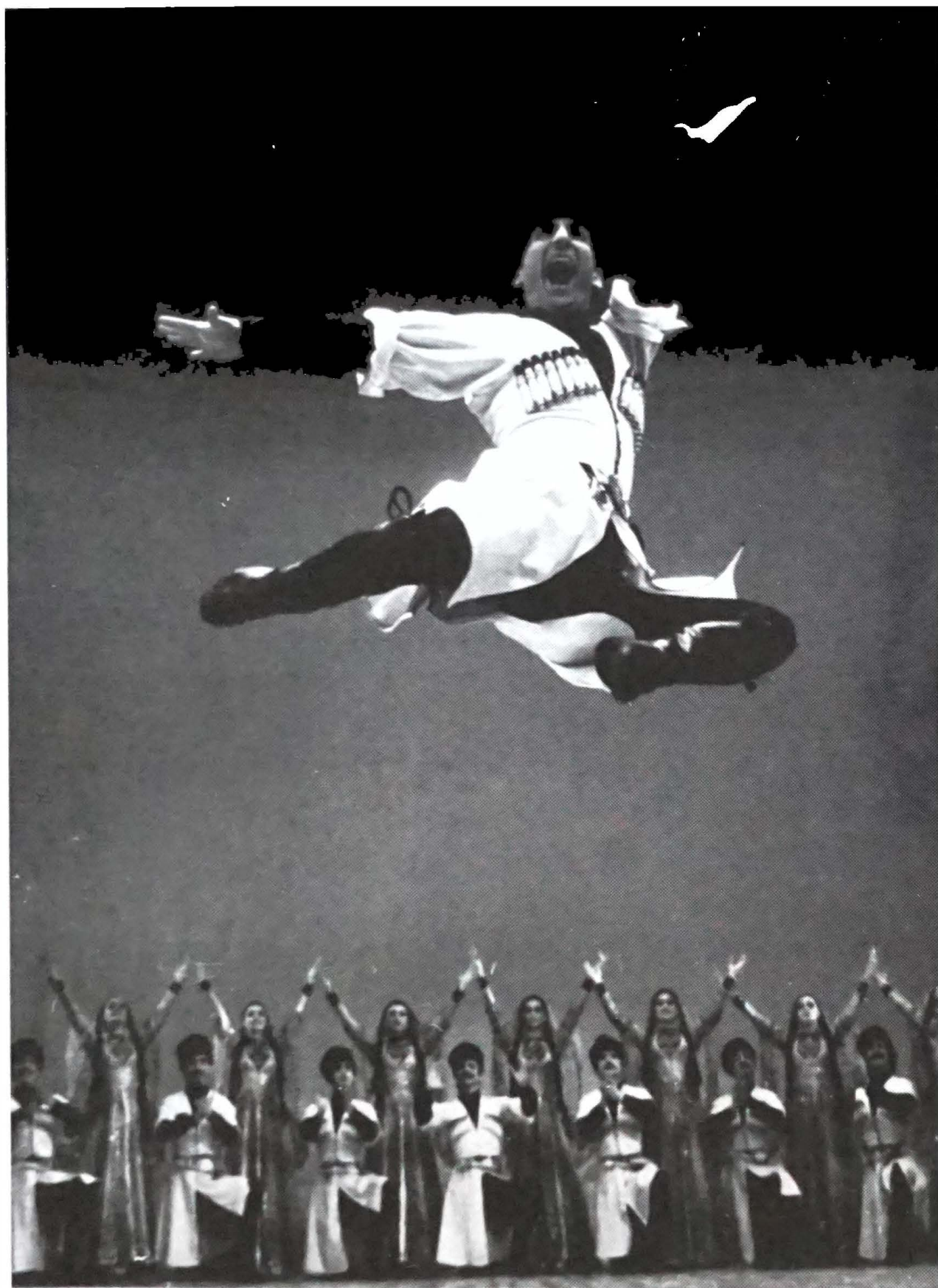

«Лезгинка»

Солисты:

Ума Минатулаева и Гайдар Магомедов

В Вихре танца

Солист: Заслуженный артист Дагестана Камиль Сайпуев

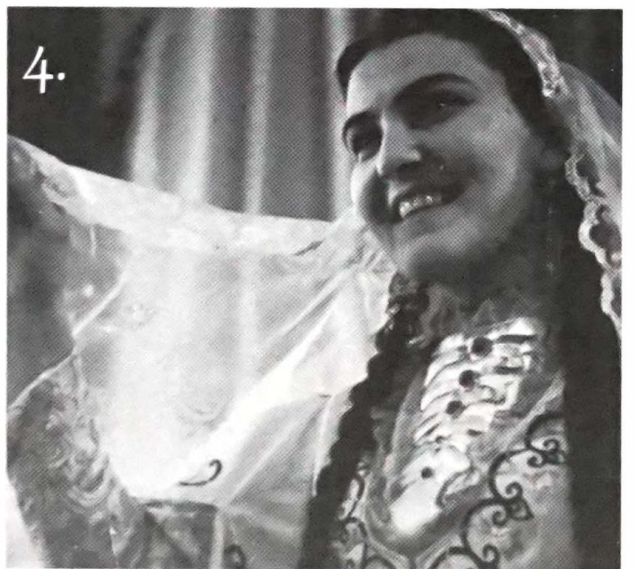
Ну, скажи, с каким же танцем
Мне лезгинку друг, сравнить
В исполнении дагестанца
Лучшего не может быть
В перебое барабанном и в напеве
зурначей
Мчится быстрым ураганом
парень, девушка ручей.

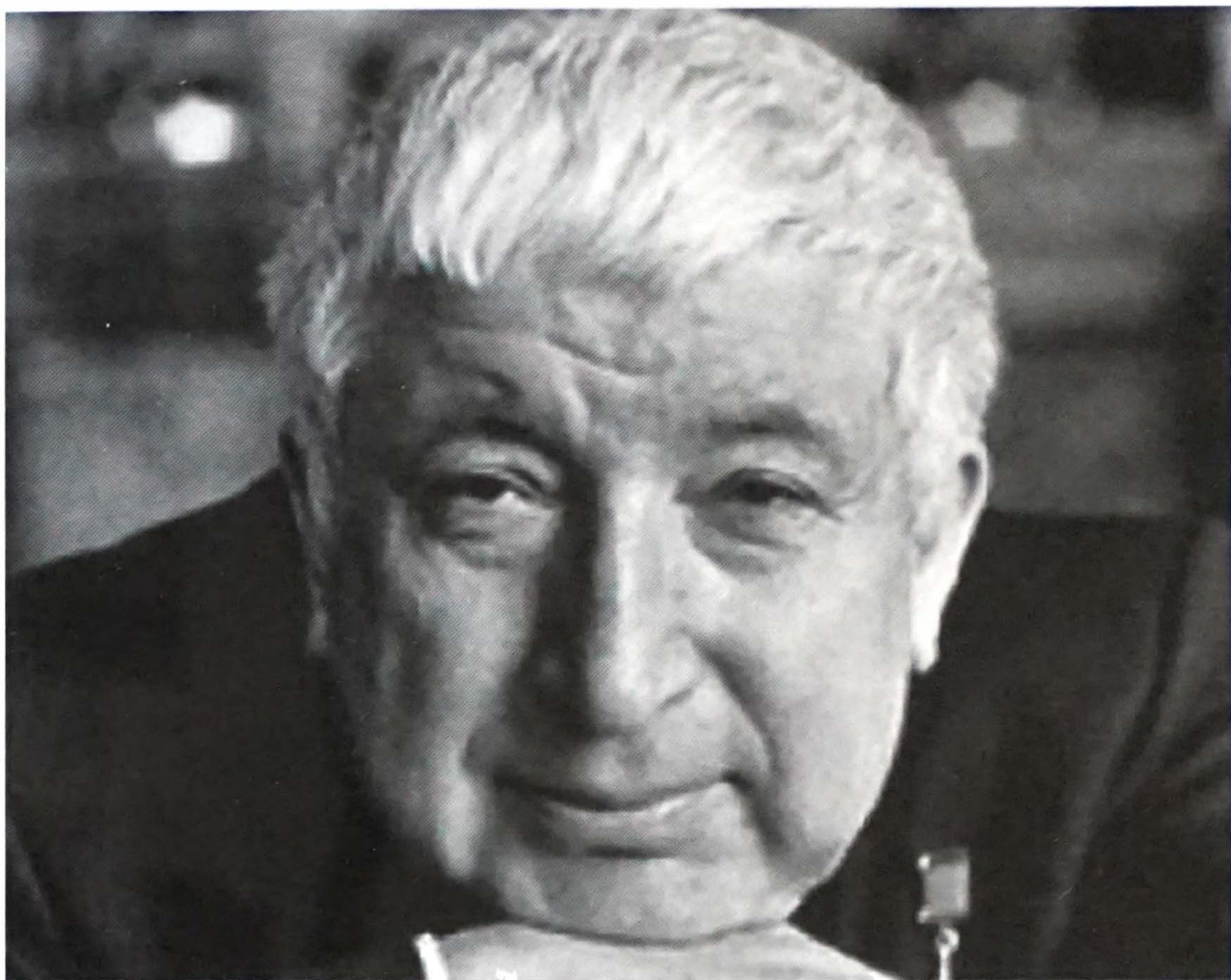
Народный поэт Дагестана
Расул Гамзатов

- 1) Галина Курбанова
- 2) Нина Израилова
- 3) Рукият Агаева
- 4) Мэриджан Киштилиева

О, девушки, я славлю вас застенчивых
И в меру добрых и не в меру злых
Отчаянных, и верных, и изменчивых
Полуволшебных и полужемных

Народный поэт Дагестана
Расул Гамзатов

Дагестанская лезгинка «Три друга»

Солисты: Камиль Шихшабеков, Руслан Тагбулатов, Назир Идрисов

Татский народный танец «Харс»
Исполняет женская танцевальная группа

Солист-канатаходец: Джабраил Омаров

Солист: Гайдар Магомедов

Гастроли ансамбля «Лезгинка» за рубежом.

Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Германия, Испания, Португалия, Италия, Турция, Чехословакия, Польша, Канада, Венгрия, Югославия, Болгария, Китай, Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Египет, Иордания, Израиль, Сирия, Саудовская Аравия, Япония, Индия, Австралия, Новая Зеландия, США – вот далеко не полный перечень стран, которые одну за другой покоряли своими огненными танцами артисты «Лезгинки».

Иосиф Самуилович Матаев. Родился в 1940 году в Махачкале. С детских лет участвовал в ансамблях народного танца. С 1955 года – на профессиональной сцене. Солист балета Государственного ансамбля песни и танца Дагестана. Затем – солист балета и ассистент-балетмейстера Государственного Академического заслуженного ансамбля танца Дагестана «Лезгинка». С 1982 года – художественный руководитель и главный балетмейстер ансамбля «Лезгинка». В качестве хореографа поставил свыше ста танцевальных номеров, автор балетной сюиты «Думы матери», автор либретто, хореограф и режиссер-постановщик балета «Парту-Патима». Выпускник ГИТИСа имени А.В. Луначарского.

Народный артист России, Дагестана, лауреат государственных премий им. Гамзата Цадасы и ассамблеи народов России, обладатель золотой медали, профессор, режиссер, хореограф.